

Н А Ш А

Г. А. СКРЕБИЦКИЙ

*На заповедных
островах*

Р О Д И Н А

ДЕТГИЗ 1945

НАША РОДИНА

Г. А. СКРЕБИЦКИЙ

На заповедных островах

РИСУНКИ
Г. НИКОЛЬСКОГО

Государственное Издательство Детской Литературы
Наркомпроса РСФСР
Москва 1945 Ленинград

ДОРОГНЕ РЕБЯТА!

Издательству и автору очень важно знать, как читатели отнеслись к книге, что в ней понравилось и что нет.

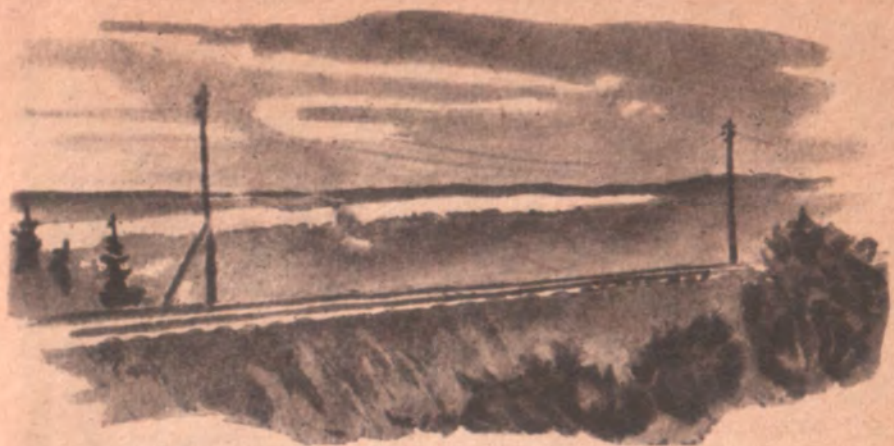
Знать отзывы читателей нужно не из любопытства, а для того, чтобы учесть их в дальнейшей работе.

В этой книжке мы знакомим вас с одним из чудесных уголков Заполярья. Наш главный герой — природа Севера.

Если, прочитав эти очерки, вы захотите попутешествовать, принять участие в изучении и охране природы нашей родины, цель книжки достигнута.

Напишите, что вам еще хотелось бы узнать о природе, о жизни различных зверей, птиц и что интересного вы сами знаете о них по тем местам, где вы бывали. Все это мы обязательно используем в работе над следующими книжками. Если вы хотите, чтобы они получились интересными, вы тоже должны принять в них участие, установить с издательством живую связь и сообщить ваши отзывы и пожелания.

Наш адрес: Москва, Малый Черкасский переулок, д. 1, Детгиз.

НА СЕВЕР

Как-то в Москве на выставке я видел картину «Белая ночь в Кандалакше»: низкое полуночное солнце, золотистый отблеск в воде залива, дымчатая синева округлых горных увалов, а на переднем плане, на высоком скалистом берегу темные силуэты покосившихся рыбацких лачуг.

Так и представлял я себе Кандалакшу — заброшенным рыбацким поселком на берегу моря, среди синеватых лесистых гор. Чем-то из старой сказки о рыбаке и рыбке.

И вот я в вагоне дальнего поезда Москва—Мурманск. Еду в эту чудесную страну.

Поезд идет лугами. Оттуда тянет холодком, запахом свежей травы. Далеко у речки краснеет огонек костра. Наверное, ребята в ночном или на рыбалке. Невольно вспоминается, как сам, еще мальчишкой, ночевал у костра, поглядывал на побелевший восток, слушал звонкий бой перепелов, надрывный скрип коростеля в ближайшем болотце, а потом, на заре, лазил по высокой мокрой траве осматривать расставленные на ночь живцовые удочки. Давно это было. Сколько с тех пор утекло воды — ученье в школе, Москва, университет, потом литературная работа, и через все это, как самое дорогое воспоминание, мальчишеские ночевки у костра, холодок

утренних зорь, перепелиный крик в лугах... Да, много лет прошло с тех пор, как я в речке у старой мельницы поймал на удочку первого пескаря и на всю жизнь сделался рыбаком, охотником, путешественником по родной стране.

А теперь я еду в заповедник, буду жить на острове, среди моря, изучать повадки диких птиц, писать о Севере. Теперь на все лето покончено с городской жизнью. Вместо трамвая — просмоленный морской ботник, вместо душевой комнаты — парусиновый холодок палатки, а вместо электрической лампы — яркий, не гаснущий свет полуденного солнца.

Мы уже проехали Ленинград. За окнами мелькают болотца, торфяники с редким низкорослым сосняком, лесные речонки, поросшие черноталом, изредка густые еловые гривы и опять торфяные болотца с чахлым сосновым криволесьем.

Поезд на минуту останавливается на маленьких полустанках, заваленных строевым лесом, пахнущих смолой, и спешит все дальше и дальше на Север.

Мои спутники — Коля и его жена Наташа — строят самые веселые планы на будущее. На Севере они уже не первый раз.

Коля — один из организаторов заповедника. Он орнитолог; теперь ему предстоит изучать биологию ценнейшей морской птицы — гаги. Для охраны и разведения этой птицы, собственно, и организован в Кандалакшской губе Белого моря специальный заповедник. Наташа — гидробиолог. Она займется изучением жизни беспозвоночных обитателей моря — различных моллюсков, иглокожих, рачков.

Наташа и Коля только недавно поженились и теперь едут в заповедник на летнюю работу. Они, наверное, отлично дополняют друг друга в работе, так же как дополняют и по характеру и по внешности.

Коля — большой, плотный, смуглолицый. Ему очень идут клетчатая ковбойка и трубка — настоящий путешественник-натуралист. И движения у него спокойные, уверенные.

А Наташа маленькая, худенькая, подвижная. В своем лыжном костюме она очень похожа на озорного мальчишку.

Наташа все время тормозит Колю, да и не его одного: достается и мне и другим соседям. Она уже успела перезнакомиться чуть ли не со всем вагоном.

Вчера была последняя ночь. Теперь мы уже в полосе непрерывного северного дня. Сейчас одиннадцать часов вечера, а в окно вагона все еще светит низкое ночное солнце. Оно как будто остановилось на небе, задумалось, глядя на землю, и не хочет уходить.

За Петрозаводском характер местности резко изменился: круче лесные склоны, из-под зеленого мха выглядывают гранитные скалы, целые россыпи серых валунов виднеются на земле среди мха и чахлого соснового криволесья. Потом лес и скалы вдруг расступятся и засинеет озеро, за ним второе. А дальше опять скалы и лес, лес — до самого горизонта.

Ночное солнце, скалы, чахлое криволесье и синие задумчивые озера — это уже настоящий Север. Скоро покажется и Кандалакшская губа Белого моря.

Спрятавшись на минуту за верхушки леса, солнце вновь медленно всплывает вверх. Наступает утро. По вагону со свернутыми флажками идет кондуктор.

— Кому до Кандалакши, приготовьтесь! — говорит он. Вот и конец нашего пути.

КАНДАЛАКША

А ведь Кандалакша совсем не такая, как я представлял ее себе, глядя на картину.

Обычный одноэтажный вокзал, широкие запасные пути с расцепленными товарными вагонами, а за вокзалом деревянные и бетонные здания — типичный деловой вид нового, еще не законченного строительства.

Зато тут же, прямо за городом, виднеются зеленые лесистые шапки гор и блестит, искрится под солнцем широкая гладь морского залива.

Мы направились вслед за подводой с нашими вещами в управление заповедника. Оно находится на другом конце, на самом краю города, между морским заливом и впадающей в него рекой Нивой.

Так вот она — эта замечательная река, мечта московских рыболовов-спиннингистов¹. Мне, занятому рыбаку, не терпелось взглянуть на нее.

¹ Спиннинг — удочка с катушкой, на которой намотана леска, а на конце — металлическая рыбка с крючком. На спиннинг в реке Ниве ловят семгу.

— Идите в управление, я сейчас догоню вас, — сказал я Коле и спустился к самому берегу реки.

Со страшной силой несетса среди камней прозрачный ледяной поток, вливаясь в спокойную гладь залива. Весь берег реки завален огромными серыми камнями. Нива неширока, всего каких-нибудь сорок-пятьдесят метров кипящей массы воды, а дальше опять серые валуны, узкая полоска берега и за ней невысокие лесистые горы.

Весной и осенью в Ниву из моря устремляется семга. Преодолевая бешеное течение, семга ежегодно поднимается на много десятков километров в верховья Нивы, где выметывает икру.

Я смотрел на этот поток и не мог себе представить, как рыба преодолевает такую силу течения. От одного вида стремительно несущейся воды у меня начала немного кружиться голова. Я невольно отвернулся и поглядел на Кандалакшу, и вдруг передо мною будто ожила когда-то виденная картина «Белая ночь в Кандалакше».

Тот же серый скалистый берег, покосившиеся рыбацьи хижинки, невода, развешенные на кольях, а над заливом большие белые чайки.

Из-за облаков выглянуло солнце.

Неожиданно дверь одной из рыбацких хижин открылась, из нее вышел с веслом в руках старый-старый дедушка, белый, как эти птицы над заливом. Сошел вниз к воде и сел на камень. Ну вот

так и кажется: заволнуется сейчас море и появится из него золотая рыбка.

Вдруг гладь залива и вправду вздрогнула, заволновалась...

Из-за поворота медленно выплыл серый грузовой буксир. Он тянул за собой плоты — целые площади срубленного леса.

...Я направился к небольшому домику, над дверями которого виднелась надпись «Управление заповедника».

Вошел в отгороженный фанерой уголок канцелярии, так называемый кабинет директора.

Из-за стола навстречу поднялся худощавый человек лет пятидесяти в поношенной военной гимнастерке. Он широко улыбнулся мне, как старому приятелю:

— А-а, пожаловали к нам! Я уж слышал. Про наш заповедник писать хотите. Хорошее, хорошее дело!

Мы поздоровались и познакомились.

— А где же наши? — спросил я.

— Ваши? Давно уж пришли. Сейчас в комнате для приезжих. Разбираются там. Я уж велел самовар поставить. С дороги чайку попить хорошо! Вы-то в наших краях, кажется, первый раз?

— Да, первый.

— У нас на островах благодать: лес, море кругом.

И, не давая мне опомниться, он начал рассказывать о богатствах заповедника, сколько там разной птицы, рыбы...

— Вам-то, наверное, часто приходится на островах бывать? — спросил я.

— Какое там часто! — вздохнул директор. — Все со строительством тут вожусь. Видите, в какой хибарке живем, и та чужая. Теперь свой дом для Управления строим. Вот и приходится целые дни проводить на постройке. На островах я уже все давно построил. На одном — домик для научных работников, там и жить будете, а на остальных — сторожки для наблюдателей. На какой остров ни заедете, везде на случай непогоды пристанище имеется. А сколько у нас ягод, сколько грибов в лесу! Вы-то, собственно, как — больше насчет литературы или насчет грибов тоже соображаете? — улыбнулся он.

— Очень даже соображаю.

— Ну, так мы уж с вами времечко выберем. Не все же мне тут строить! А пока я вам посоветую: у меня там на острове замечательный человек есть — сторож Иван Галактионович; он и рыбак и охотник. С ним связь держите, отличный работник! Он на островах каждый кустик знает... А море, море какое у нас! Отъедешь

на лодочке от берега, забросишь удочку, а сам глядишь в воду. Метров на десять все дно видать. Местами будто подводный лес — заросли какие-то, а между ними рыбы плавают, морские звезды по камням расселись... Так бы, кажется, глядел-глядел и не оторвался...

Рассказы директора раззадорили меня. Мне захотелось поскорее познакомиться, потолковать с рыбаками, расспросить их о море, о здешнем крае. Жаль, я не заговорил тогда с дедом на берегу, наверное он помнит Кандалакшу не такой, какая она теперь. А может быть, он первый и построил здесь, у моря, свою избушку. Потом вечерами вот так же выходил, садился на тот же серый камень у воды, курил трубочку и слушал, как кругом шумит лес, плещутся волны да кричат над заливом чайки.

Я вышел из дома и на крыльце столкнулся с Наташей. Она покраснелась; видно, все суетилась, хлопотала.

— Вот вы где! — весело сказала она. — А я вас ищу. Идемте со мной к морю.

— А Коля где?

Наташа, смеясь, махнула рукой:

— Да ну его! Он там со своими банками все возится, что-то распаковывает, не то запаковывает. Идемте со мной!

Она потащила меня за рукав, потом вдруг остановилась:

— А может, вам не хочется? Устали с дороги?

— Что вы, Наташа! Очень хочу! Я сам только что собирался туда идти.

Мы пошли к заливу. Начался отлив. Камень, на котором сидел дед, уже был далеко от воды, и еще много-много появилось новых камней. Все они раньше были покрыты водой, а теперь торчали на обнаженном илистом дне — мокрые, обросшие разнообразными водорослями и ракушками.

Наташа перебиралась с камня на камень; ей хотелось забраться подальше в зону отлива, поглядеть, что оставило море после своего ухода.

— Лезьте, лезьте сюда, не бойтесь, — звала она меня. — Посмотрите, каких бокоплавов я сейчас наловлю.

И я, рискуя соскользнуть с мокрых камней и по колено завязнуть в грязи, послушно карабкался за ней.

— Глядите, это мидии, — говорила Наташа, указывая на бесчисленных ракушек, облепивших поверхность камня. — А это тура, — и она подняла целый куст зеленовато-желтого подводного растения.

— А где же ваши бокоплавцы?

— Сейчас, сейчас, не все сразу. — Наташа опустила руки в маленькую лужицу, оставшуюся после отлива, приподняла камень. — Смотрите, вот они.

В лужице, быстро перебирая лапками, плавали крошечные морские рачки. Я нагнулся к воде, чтобы получше разглядеть эти забавные существа. Так вот почему они называются бокоплавцы! Рачки плавали, лежа на боку.

Наташа посадила в баночку с водой несколько бокоплавов.

— У-у, какие хорошие! — говорила она, любовно разглядывая рачков. — Сейчас отнесу их Коле. Он очень обрадуется.

— А зачем они ему нужны? Ведь он больше насчет птиц.

Наташа неожиданно покраснела.

— Знаете, эти бокоплавцы для нас с Колей очень много значат. В прошлом году на Мурмане я их собирала для своей работы, а Коля мне помогал... Ну, и мы тогда решили, что поженимся.

Наташа улыбнулась.

— Коля мне их тогда на радостях целую банку наловил, преподнес вместо букета цветов.

— Ах, вот что!

Я посмотрел на рачков и живо представил себе пустынный берег Мурмана, море, скалы... и эти забавные некрасивые рачки вместо цветов. А впрочем, не все ли равно? Разве не кажется нам иногда замечательной какая-нибудь безделушка только потому, что с ней связана лучшая пора нашей жизни? Вот теперь Наташа подарит Коле вместо букета фиалок рачков и этим отпразднует свою первую счастливую годовщину.

Осторожно, чтобы не расплескать воду и не упустить бокоплавов, мы перебрались по камням обратно на берег.

НА ОСТРОВА

В тот же день мы отправились в заповедник на острова.

Не без труда и с величайшей осторожностью мы втащили в моторный бот инкубатор — прибор для искусственного выведения птенцов. Это — большой и очень тяжелый шкаф. Внутри его множество трубок для горячей воды, которая заменяет яйцам тепло наседки. Коля хотел применить инкубатор для искусственного выведения гагачат.

Больше всех при погрузке хлопотал и суетился сам директор заповедника, Алексей Михайлович. Он был в страшной тревоге, как бы в аппарате чего не погнули, не поломали.

— Товарищи, осторожнее, ради бога осторожнее, — молил он и, позабыв от волнения, что на нем не сапоги, а по случаю нашего приезда новые туфли, лез по колено в грязь.

Наташа тоже пыталась помочь, но больше мешала нам.

— Наташа, милая, ты бы в сторону отошла, — ласково сказал ей Коля, — а то помощи от тебя, как от мухи. Пусти-ка меня сюда, — и он ловким сильным движением взвалил на борт тяжелый ящик.

— Вот так силач! — одобрил Алексей Михайлович. — А главное, молодец, что такую машину к нам из Москвы привез. Ведь вы только подумайте: насколько мы теперь увеличим поголовье гаги! — И он от удовольствия потер руки, заранее предвкушая успех дела.

Наконец все было уложено, и мы тронулись.

— Счастливым путем! Непременно скоро выберусь к вам, — кричал с берега Алексей Михайлович.

Кандалакша осталась позади.

Мерно постукивал мотор. Нос бота разрезал на две крутые зеленоватые волны спокойную гладь залива.

— Вот мы и на море. А казалось, не выберемся из Москвы, — сказал Коля, закуривая трубку.

Наташа одобрительно кивнула. Она замолчала, притихла.

А мне даже как-то странно было слышать эти слова — «на море». С морем у меня с детства связалось представление о безбрежном водном просторе, а тут всюду виднелась земля. Налево от нас возвышался гористый, покрытый лесом берег, а справа и далеко впереди — острова. Мы проплывали мимо одного, другого. Вдали острова сливались с противоположным берегом. И, глядя на них, невольно казалось, что мы плывем по озеру или по широкой реке. Но от этого морской залив не терял своей прелести, наоборот, для меня он был еще прекраснее. В нем я чувствовал что-то привычное, свое, что-то от наших родных мест.

Как чудесно! Вокруг сверкающая гладь залива, зеленые лесистые берега, а над головой безоблачное небо. Солнце слепило глаза. Было жарко. Так и тянуло сбросить одежду и окунуться в эту прозрачную зеленоватую воду. А я-то представлял себе Север вечно хмурым, ненастным.

Я опустил руку за борт и невольно вздрогнул: пальцы обожгли ледяные брызги. «Не-ет, пожалуй в такой воде не искупаешься!»

— А вот и луды! — сказал Коля, показывая на груды серых камней, торчащих из воды.

Луды — это, по-местному, голые каменные островки, разбросанные по заливу.

Наш бот подошел к ближайшей луде. С нее слетели несколько больших белых чаек и с криком стали кружиться над головами. Вон и еще какие-то долгоносые птицы с писком летят к нам навстречу.

— Глядите! Кулики-сороки, — показал Коля. — Их на каждой луде пропасть! Гнезда у них тут.

Кулики-сороки! Вот ведь где встретились старые приятели! Сколько раз еще в детстве гонялся я за ними с ружьем по окским песчаным отмелям.

Мы проплыли мимо довольно большого скалистого острова, поросшего еловым лесом.

— Это острова еще не заповедные. Вот проедем «Барыню», там и заповедник начнется, — сказал Коля.

— Какую барыню? — удивился я.

Наташа хитро улыбнулась; она показала куда-то на скалистый берег:

— Вон она виднеется.

Далеко впереди я с трудом различил на скале какое-то светлое пятно.

— Нашу «Барыню» с моря километров за десять видно, — сказал Коля. — Она у нас вроде маяка.

Я поглядел в бинокль — и не поверил глазам: на отвесной, неприступной скале белела фигура женщины.

В недоумении я оглянулся на спутников. Наташа и Коля рассмеялись.

— Неужели это нарисовано?

— Да, нарисовано, — ответил Коля. — Занятная история! Еще до революции это было. Пароход «Садко» шел из Архангельска

в Кандалакшу. Против этой самой скалы он наскочил на подводный камень, проломил дно. Глубина здесь страшная! От парохода, наверно, только пузыри пошли. Хорошо еще, что берег недалеко, говорят, все спаслись. А сам «Садко» отправился в гости к водяному царю, да и погостил там порядочно. Уж наши эпроновцы его со дна подняли. Кто-то из них и намалевал эту «Барыню». Мы подъехали ближе.

— Как же эти «художники» забрались туда? — удивился я.

— Вот уж этого я не знаю; — ответил Коля. — Наверно, сверху на канатах спускали. Знаете, как маляров, когда стены красят.

Мы миновали достопримечательное место и поплыли дальше.

Прошло около часу. Проехали еще несколько островков. Вдруг впереди на самом берегу большого зеленого острова показался белый домик.

— Вон-вон наш дом виднеется, — радостно воскликнула Наташа. — Едем, едем, встречайте нас! — закричала она так, что зазвенело в ушах.

— Что ты кричишь? — улыбнулся Коля. — Разве на таком расстоянии можно услышать?

— Можно, можно, меня за десять верст слышно!

— Это, пожалуй, верно! — согласился Коля.

Мы все трое смотрели на приближающийся остров и новый бревенчатый домик, который будто выбежал из леса и, стоя у самой воды, приветливо встречал нас.

ЗАПОВЕДНИК

Бот подчалил к каменистому берегу, почти к самому дому. Мы прибыли во время прилива, и это не случайно. Местные жители привыкли пользоваться подъемом и спадом воды. Каждые шесть часов вода в море поднимается — приливает, и каждые шесть часов опускается — отливает. Если бы мы приплыли во время отлива, наш бот остановился бы метров за двадцать от дома, и было бы трудно перетащить по грязи нашу тяжелую поклажу.

На берегу нас поджидало все население заповедника. Две женщины — научные работники. Одна — ботаник, Ирина, немножко суровая на вид, высокая стройная девушка. Другая — небольшого роста, полная, веселая, с задорно вздернутым носиком, эмбриолог, Рая. Третий сотрудник — низкорослый крепыш, сторож заповедника. Это и был тот самый Иван Галактионович, о котором мне говорил директор. Тут же на берегу находились жена и детишки Ивана Галактионовича.

Общими силами мы перетащили из бота на берег привезенную поклажу: Инкубатор понесли прямо в специально выстроенный для этого домик. Ирина несла вместе с нами, мужчинами. Вообще она не отставала от нас в работе. В ней чувствовалось много молодости, здоровья и силы. Наверное, девушки-поморки, выросшие на морском берегу, должны быть такие же сильные, красивые и спокойные.

— А вы умеете управлять парусом? — спросил я.

— Ну, конечно, умею, — удивилась моему вопросу Ирина.

— А я вот не умею и боюсь досмерти одна по морю плавать, — сказала Наташа.

— Да ты известная трусиха, — заметила Ирина.

— И я тоже трусиха, — вставила Рая. — Мое дело — цыплят выводить, а наседки всегда воды боятся.

И она первая от души расхохоталась своей шутке.

Мы наскоро разместились и принялись разбирать вещи. Наконец все было разобрано, расставлено по местам. Я облегченно вздохнул. Кажется, можно пойти осмотреть остров. Но не тут-то

было: Коле не терпелось сейчас же попробовать инкубатор в действии, хорошо ли он нагревается и сохраняет тепло. Рая поддерживала Колю: ведь с этим была связана ее работа.

Испытание могло занять, наверное, не менее двух часов. По правде сказать, оно меня очень мало интересовало, но было как-то неудобно отставать от своих, и я скрепя сердце поплелся вместе со всеми в инкубаторий, кипятить там воду и глядеть на термометр, не падает ли температура в инкубаторе. И это

вместо того, чтобы пойти осматривать чудесный морской остров, на который даже взглянуть-то не успел!

В дверях кто-то дернул меня за рукав. Я обернулся — Наташа. Она лукаво улыбалась.

— Послушайте, вам очень интересно кипятить воду?

— Ужасно интересно...

— А я хотела показать вам остров, — и, не дожидаясь моего согласия, Наташа крикнула: — Коля, мы пройдемся с Георгием Алексеевичем по острову, а когда ваш научный самовар закипит, вы нас чай пить зовите.

Я с облегчением вздохнул и от души поблагодарил Наташу за избавление.

Мы пошли по берегу, усеянному большими и мелкими камнями, вышли на длинную песчаную отмель. Еще издали оттуда неслись протяжные крики, похожие на стоны: «ой, о-ой, о-ой!» Это кричали морские чайки. Уже начался отлив, и они хлопотали у самой воды на обнажившемся дне: добывали себе пищу.

От берега мы свернули в глубь острова и сразу попали в густой еловый лес. Кругом возвышались старые, обросшие бородами лишайника ели. Ноги тонули в толстом, пушистом слое мха. Пахло смолой, моховым болотом, богульником. Ну, совсем как в нашем лесу, где-нибудь на Клязьме, под Владимиром. И не верилось, что мы за тысячи километров, в далеком Заполярье.

Мы пошли дальше. Неожиданно деревья поредели, расступились, и перед нами засверкала вода.

— Что же это, опять вышли к морю? — удивился я.

— Вот так море!

Но я уже и сам видел: мы стояли на берегу тихого лесного

озера. Откуда оно здесь? Ведь мы на острове, среди моря. И весь островок-то два-три километра в длину и в ширину. Я подошел и попробовал воду: совсем пресная, настоящая ключевая вода.

— Потому-то здесь лабораторию и построили, — сказала Наташа, — вода рядом, и пресная и соленая, выбирай любую.

ЗА ГАГАЧЬИМИ ЯЙЦАМИ

Проба инкубатора удалась наславу. Он отлично прогрелся и держал ровную температуру. На радостях мы все уселись закусывать, потому что с хлопотами не ели целый день.

Коля был очень оживлен. Он весь так и горел исследовательским задором.

— А что, товарищи, не поехать ли нам сегодня же за гагачьими яйцами для инкубатора? — предложил он.

Вот это мне было как раз по душе: я ведь еще не видел ни гаг, ни их гнезд. Несмотря на усталость, я сразу же согласился. Все тоже поддержали Колю предложение. Случайно я взглянул на часы.

— Эх, куда же мы собираемся? Уже десять часов, поздно.

Наташа и Рая посмотрели на меня и рассмеялись. Ах да, я ведь совсем и забыл, что ночи здесь вовсе нет. К этому сразу привыкнуть нелегко. Невольно по привычке делишь время на день и ночь.

А как это хорошо, что ты не связан в своих действиях временем: можешь, если хочешь, работать двадцать четыре часа в сутки, а потом в любое время ложись на солнышке на мягкий душистый мох и спи.

Мы доверху нагрузили ботник фанерными ящиками, так что и самим почти негде было сесть.

— Зачем же такая масса ящиков? — спросил я. — Ведь мы не за шишками в лес едем, а за гагачьими яйцами.

— А я думаю, как бы маловато не оказалось, — ответил Коля.

Мы тронулись в путь. Я взял с собою фотоаппарат. Летом в Заполярье можно делать моментальные снимки даже ночью.

Ветер стих. Залив совсем замер: ни волнения, ни ряби. Северная ночь. Сколько я ни представлял себе ее по описаниям, и все-таки на самом деле она совсем иная. Да и вообще — какая же это ночь, если светит солнце, если не спят птицы. Белые чайки попрежнему кружатся над водой, протяжно стонут на отмелях. Длинноносые кулики-сороки с писком летают над лудами, садятся на огромные серые камни у самой воды и замирают, свесив свой длинный красноватый клюв. Птицы не спят. Им вовсе нет дела до того, что скоро полночь.

Над заливом, над скалистыми лудами, над всем краем попрежнему тихо горит голубой северный день, такой же спокойный и ясный, как это море и небо над ним, как сам Север.

Я никогда не видел такой чистоты красок. Вон позади нас, далеко-далеко на горизонте синееет какая-то полоска. Что это — облачко или островок на море? Всмотриваюсь: да это же струйка дыма от нашего мотора расплылась и застыла в воздухе.

Впереди показывается лесистый остров. Гляжу и не могу понять: что это, мираж? Остров висит в воздухе, а под ним опрокинулся и также повис в воздухе другой такой же остров. Нет, это не мираж, это море и небо настолько прозрачны, что совершенно слились в бесконечной голубизне. Исчезла граница между землей и небом, больше нет ни воздуха, ни воды, есть только эта голубая, прозрачная даль и в ней сказочный воздушный остров с его двойными очертаниями скал и двувершинными соснами и елями.

Мы подъехали ближе. Вдруг нижняя, опрокинутая часть острова дрогнула, заколебалась и наконец вдребезги разбилась на голубые осколки. Легкие всплески волн от подходящего ботника лизнули береговые камни. Дрогнула водная гладь и вмиг отделилась от неба — и остров уже не висит в воздухе, а спокойно и величественно возвышается над водой.

Мы причалили к берегу и по мокрым скользким камням перебрались на песчаную отмель.

— Вот теперь можно и за сбор яиц приниматься! — весело сказал Коля.

Но мне все еще было не совсем ясно, зачем нужно выбирать яйца из гагачьих гнезд и класть их в инкубатор. Я спросил Колю, почему он думает, что инкубатор лучше выведет гагачат, чем это сделали бы сами гаги.

— А я вовсе этого и не думаю, — ответил Коля. — Тут вот в чем дело: если у гаги выбрать из гнезда первую кладку яиц, она обычно откладывает вторую. Я и хочу попробовать от одной и той же птицы получить вместо одного два выводка. Первую кладку яиц мы заберем для инкубатора, а в это время гаги нанесут новые яйца и сами выведут гагачат.

Если все удастся так, как я рассчитываю, мы сможем увеличить количество птенцов ровно на столько, сколько сумеем вывести их в инкубаторе.

— А кто же будет воспитывать наших гагачат?

— Ну, за этим дело не станет, гаги отлично принимают к своему выводку чужих гагачат. К осени сами увидите: где-нибудь в заличике плавают вместе две-три мамы, а кругом них целый детский сад. Тут и большие и маленькие...

Вот теперь и мне стала вполне ясна наша задача, теперь я без всякого угрызения совести смогу выбирать яйца из гагачьих гнезд. Вместо яиц мы ведь вернем гагам их же собственных пушистых птенцов.

А может быть, мы выведем их даже лучше, чем сами гаги, ведь нам не помешают ни холод, ни снег, никакие другие капризы природы, от которых гибнет немало выводков дикой птицы. Коля был вполне уверен в успехе своего начинания.

Мне казалось, что гагачьи яйца нужно искать на берегу, возле воды. Ведь гаги — это морские утки, где ж им иначе и гнездиться?

Но мои спутники направились от берега прямо в лес. Я спросил Ивана Галактионовича, где же мы будем искать гагачьи гнезда.

— В лесу, — спокойно ответил он.

В старом ельнике мы разошлись, будто по грибы.

Раздвигая ветки, я пробирался между кустами. Сваленные полугнившие стволы деревьев повсюду преграждали путь. А вот и полянка, густо поросшая брусничником.

На полянку вышел Иван Галактионович.

— А-а, ягодки! — сказал он, сгребая на ходу целую горсть перспелой красной брусники и отправляя ее в рот. — Сладкие, томленные. Всю зиму под снегом томилась.

Я смотрел и не верил глазам: кругом все было красно от прошлогодней брусники, и даже некому было полакомиться этой благодатью.

— Иван Галактионович, а где же гагачьи гнезда?

Вдруг вместо ответа он поднял руку, поманил меня к себе и показал на старую свалившуюся ель.

Я осторожно подошел. Возле самого ствола среди мха и набросанных веток что-то пестрело. Я, как охотник, сразу подметил: это не кочка, а что-то живое.

Подкрался ближе, присматриваюсь: под густыми ветками притаилась огромная серая утка. Она втянула шею и плотно прижала к спине голову. Сидит, не шевельнется. Пройдешь рядом — и не заметишь. Только глазок, круглый и живой, внимательно следит за моими движениями.

— Гага? — вопросительно прошептал я.

— Гага, — так же тихо ответил Иван Галактионович. — Ты к ней полегоньку отсюда подходи, а я с другой стороны...

И вот мы, как два зверя, крадемся к добыче. Все ближе и ближе. Но почему же она не взлетает, ведь она видит нас? Какая сила приковала к земле эту осторожную птицу?

Мы уже совсем близко. От волнения у меня захватывает дух. Я протягиваю сквозь ветви руки. Вдруг страшный треск... хлопанье крыльев. Невольно отскакиваю: огромная птица отчаянно мечется по земле, стараясь выбраться из-под ветвей, а за нею следом, без шапки, растопырив руки, гонится, спотыкаясь о ветки, Иван Галактионович.

— Ага, попалась, теперь не уйдешь!

Иван Галактионович вылезает, прижимая к груди пойманную гагу.

— Вот она! — торжествует он.

Все лицо его изодрано, в крови, но зато сияет гордостью. Это — первая наша добыча.

Подошел Коля, погладил пойманную утку.

— Всю зиму вас, утюшки, не видал, соскучился!

Мы окольцевали утку — надели ей на лапку, как браслет, легкое алюминиевое колечко с номером.

Кольцевание — это замечатель-

ный способ, помогающий выяснить многое из жизни диких птиц: места гнездовий и зимовок, перелетные пути, длительность жизни... Оно проводится во всех странах. Если охотнику попадет птица с кольцом на лапке, он обычно заинтересуется и отошлет это кольцо в ближайший краеведческий музей или биологическую станцию. А там по адресу на кольце сейчас же свяжутся с той станцией, которая окольцевала эту птицу, и узнают, откуда она залетела, когда и при каких условиях была окольцована.

Кольцо на лапке птицы — это ее «паспорт».

Иван Галактионович уже собрался отпустить пленницу на свободу, но я попросил подождать. Мне хотелось в память этой необыкновенной охоты сфотографировать Ивана Галактионовича с его добычей. Я снял его сперва с уткой издали, на фоне кустов, потом крупным планом. Вот еще замечательный момент: Иван Галактионович немножко наклонился и смотрит на утку, а утка на него — будто разговаривают. Мне захотелось сделать и этот снимок.

— Ут-ют-ют-ют, — нежно позвал Иван Галактионович, еще ниже склоняясь к гаге; а она, совсем как ручная, тоже поднимает голову и тянется к нему.

Я нацелился аппаратом.

— Ай-ай-ай!

Утка хватает клювом за нос своего ловца. Тут уже не поймешь, кто кого поймал.

Иван Галактионович вопит, трясет головой, утка машет крыльями. Я щелкнул затвором и запечатлел эту замечательную картину.

Кое-как мы освободили из цепкого утиного клюва нос незадачливого охотника и посадили утку на землю. Она оглянулась кругом, потом приподнялась на лапы и тяжело побежала, хлопая крыльями. Только отбежав в другой конец поляны, гага с шумом взлетела и понеслась туда, где между редкими стволами синел морской залив.

Иван Галактионович наотрез отказался от предложения посидеть на берегу и подождать нас у бота. Он заверял, что ему вовсе не больно, хотя нос его стал похож на перезревшую сливу. И все же Иван Галактионович не хотел отставать от нас. Вот уж истинно — охота пуце неволи.

Я заглянул под ель. На земле среди травы и мха виднелось гнездо с пятью крупными белыми яйцами. Я наклонился к гнезду: оно все было сделано из мягчайшего пуха. Я взял его пальцами. Вот этот замечательный пух — самый легкий, самый теплый на свете. Недаром он так высоко ценится, и не случайно вся одежда полярных исследователей, летчиков, мореплавателей, всех, ко-

му приходится бороться с северной стужей, делается на гагачьем пуху.

Гагачий пух — изумительное произведение природы. Он окутывает тело птицы, не давая ей замерзнуть в морозы. Ведь гаги не улетают зимовать на юг, а только откочевывают в незамерзающие части моря, чтобы весной вновь вернуться на прежние места гнездовий. И тут инстинкт материнства заставляет птицу выщипывать клювом пух из собственной груди и выстилать им гнездо. Прежде чем покинуть его, чтобы покормиться на море, гага бережно укрывает свои яйца пухом. Теперь она может свободно оставить их даже на несколько часов: драгоценный пух сохранит яйцам тепло. Кроме того, пух еще и скрывает их от глаз врага. На пестром фоне земли белые яйца были бы очень заметны. В лесу их сразу бы нашли и расклевали главные враги гаг — вороны, а если гагачье гнездо свито на открытом берегу, ими полакомились бы чайки. Однако и этим не исчерпываются удивительные свойства гагачьего пуха. Люди раньше не только собирали его в гнездах, нередко они убивали и самих гаг, чтобы ощипать с них пух. И вот что любо-

пытно: пух, выщипанный самой гагой, и пух, ощипанный людьми с убитой птицы, резко отличаются по своим качествам. «Живой пух» лучше, теплее «мертвого». Меня радует этот факт — торжество жизни над смертью. Да как же и может быть иначе, ведь гагачий пух предназначен самой природой для поддержания новой, нарождающейся жизни.

Я рассматривал на ладони тончайшие, переплетенные между собой пушинки, и мне казалось, что в этом сером комочке заключена чудодейственная сила жизни — сила материнской любви.

Мы выстлали отделения одного из ящиков гагачьим пухом и положили туда взятые нами яйца. Оставшийся в гнезде пух Коля тоже забрал.

— А зачем вы берете весь пух? — спросил я. — Ведь гага будет класть в это гнездо вторые яйца.

— Нет. Если мы у нее взяли яйца, она это гнездо бросит и сделает себе новое. Только в том уже пуху будет значительно меньше. По этому признаку можно отличить гнездо первой кладки от повторной.

— А хватит во втором гнезде пуху, чтобы согреть яйца?

— Конечно, хватит.

Покопив с гнездом, мы отправились дальше. Только отошли шагов пять, гляжу — в кустах сидит вторая гага. Стал подкрадываться к ней, хотел один поймать. Вдруг у самых ног как затрещит, хлопает... третья взлетела. Я чуть на нее не наступил. Вот ведь как затаилась! А за кустами снова взлет, крики, еще одну поймали.

Где-то далеко в лесу кричит Наташа, просит дать ей щипцы, чтобы окольцевать птицу. Они с Ириной тоже поймали гагу.

Теперь я и сам увидел, что мы скоро наполним яйцами все наши ящики. При желании можно бы набрать яиц и во много раз больше — ведь мы только с самого краю обшарили прибрежную часть леса на острове. Гаг была такая масса, что отыскивание их гнезд и даже ловля самих птиц теряли интерес.

А вот любопытно узнать, далеко ли от берега моря гаги устраивают свои гнезда.

Я направился по лесу в глубь острова. Я больше не ловил гаг и не собирал их яйца, а только отмечал сидящих на гнездах птиц. Последнее гнездо я нашел примерно метрах в трехстах от берега, дальше гнезд не попадалось.

Вдруг из-под ног у меня с шумом взлетела большая птица. Блеснув на солнце иссиня-черным пером, она скрылась в кустах. Это петух, тетерев. Эх, ружье бы!.. Но ведь здесь, в заповеднике, стрелять нельзя.

Кто-то, потрескивая валежником, шел мне навстречу. Я приостановился. Из-за кустов показалась бурая спина коровы. Она, верно, пасется здесь в лесу. Ветви раздвинулись, корова пробиралась сквозь кусты на полянку.

Но откуда же она здесь взялась? Ведь на этом острове никто не живет. Я замер. Корова высунула из-за зеленых ветвей свою горбоносую, длинную, как у лошади, морду с большими ушами. Да ведь это лосиха! Возле нее из кустов выглядывал такой же лопухий рыжий лосенок.

Я не шевелился. Но лосиха уже заметила меня. Она вскинула голову, насторожилась. Секунда — и огромный зверь, сделав скачок, скрылся в кустах. Лосенок тоже исчез, только слышался по лесу удаляющийся треск сучьев. Все стихло. Я поспешил обратно к своим, чтобы рассказать о встрече.

ПЛЕННИЦА

Мы возвращались домой с большим запасом яиц и рюкзаками, набитыми ценнейшим гагачьим пухом. Кроме того, на дне ботника в корзине ехала наша пленница — живая дикая утка. Коля взял с собой одну из пойманных гаг, чтобы дома понаблюдать за нею.

— Знаете, Коля, — сказал я, — вот смотрю на гагу и поверить не могу, что мы эту дикую птицу прямо руками поймали.

— Вам бы на «Семь островов»¹ поехать, — заметил Коля. — Вы на птичьих базарах никогда не бывали?

— Нет, не бывал.

— Эх-х вы, путешественник! — улыбнулась Наташа. — Знаете, я там кайр прямо на удочку ловила.

— Смейтесь, смейтесь надо мною, — ответил я.

— Да она вовсе не смеется, — возразил Коля. — Правда, мы там птиц на удочку ловили.

— Подождите, Коля, я что-то не совсем понимаю, как же это?

— А очень просто. Представьте себе огромные отвесные скалы над морем. Все выступы скал, все углубления сплошь заняты птицами, большей частью кайрами. Сидят друг возле друга, плечо к плечу. У каждой тут же на выступе на голом камне положено одно яйцо, и каждая свое яйцо насиживает.

— Как же у них яйца держатся на голом камне без гнезда, не скатываются в море?

— А у них яйца совсем особой формы — вроде конуса. Толкнешь такое яйцо, оно почти не катится, а вертится на месте. А если яйцо покатилося по утесу, все соседние птицы сейчас же вытянут шею и стараются клювом его задержать. Конечно, бывают случаи, что яйца падают и разбиваются, только не так уж часто. Сами кайры тоже очень занятые птицы. Наши гаги хоть в кустах сидят, им оттуда вылететь трудно, вот мы их руками и ловим. А ведь кайры прямо на открытых скалах. Спустишься к ним по веревке, они все глядят на тебя, а не улетают. Вот мы и придумали, как их ловить для кольцевания: берем удилице, привязываем на конце петлю, как для силка, накидываем ее на шею кайре и тащим к себе. Так на удочку и ловим. Сколько угодно наловить можно.

— Подумайте, ведь это же огромное птичье хозяйство!

— Да еще какое хозяйство! Оно не требует для содержания ни средств, ни ухода; только нужно бережно его использовать. Можно каждый год без всякого ущерба для гнездовья собирать тысячи чудесных яиц.

¹ «Семь островов» — заповедник в Баренцовом море, недалеко от Мурманска.

— И вкусные у них яйца?

— Очень вкусные, не хуже куриных, а размером раза в два крупнее. Птичьи базары — это прямо золотое дно. — Коля кивнул головой в сторону ящиков с гагачьими яйцами и весело добавил: — Нужно и нам поторапливаться гаг разводить; попробуем-ка помочь природе.

Дома мы отнесли нашу пленницу в пустую комнату. Гага оказалась очень спокойной. Она не билась, не металась по комнате, а, оглядевшись, побежала в дальний угол и уселась там. Мы оставили гагу в комнате и отправились в инкубаторий. Разложили в инкубаторе привезенные яйца, чтобы они не переохладились и не испортились.

Когда мы часа через два вернулись к гаге, она уже сидела в другом углу. Коля хотел взять ее, чтобы отнести в сарайчик, но едва он приблизился, как она, не вставая с места, вытянула шею и угрожающе зашипела. Помня, как гага проучила Ивана Галактионовича, он не без опаски вытащил птицу из ее угла. И тут все мы так и ахнули от изумления: под гагой на полу лежал аккуратно собранный в кучку картофель. Вероятно, оставив свой угол, гага обследовала комнату и наткнулась на разбросанный по полу картофель. Птица подгрестила его под себя и уселась на нем, как на яйцах. Инстинкт насиживания победил страх перед необычайной обстановкой.

Тут Коле пришла интересная мысль: «А нельзя ли использовать этот инстинкт и заставить гагу у нас, в неволе, высидеть гагачат?»

Сейчас же в уголке сарая, куда решили поместить гагу, мы устроили из привезенного пуха гнездо, замаскировали еловыми ветками, а на землю набросали свежего мха.

Сквозь щели в стенах и крыше сарая пробивались солнечные лучи и желтыми полосами ложились на землю. Крепко пахло смолой и свежей хвоей, совсем как в лесу.

Посреди сарая мы поставили на полу широкий противень с морской водой и пустили туда мелких ракушек и бокоплавов — обычный корм гаги.

Когда все было готово, мы принесли в сарайчик гагу. Она сейчас же забилась в самый дальний угол. Мы затворили дверь и оставили гагу в покое.

Очень интересно, найдет ли она гнездо с яйцами и сядет ли на них, или в этой необычной обстановке инстинкт насиживания у нее уже угас и она только случайно села в комнате на кучку картофеля.

Я еще раз вернулся и заглянул в щелку сарая. Гага попрежнему сидела в том же углу, вдали от гнезда.

«Нет, все это ерунда, — подумал я. — Конечно, никаких яиц дикая, только что пойманная птица в неволе насиживать не будет». И я отправился домой.

Наконец-то кончены все дела этого бесконечного дня. Можно лечь и заснуть. Но сколько же теперь может быть времени? Я огляделся. Все так же светило солнце, плескалось море и стонали на отмелях чайки.

Что же сейчас — ночь или уже настал следующий день? Э, да не все ли равно?

Вон летит большая белая птица, наверное она не считается со временем, а когда устанет, сядет на прибрежный камень, отдохнет — и снова в путь. Нечего и нам обращать на него внимание. Поспим часок-другой, да и опять за дело...

На следующий день я прежде всего отправился посмотреть на гагу: «На гнезде она или нет?» Даже сердце у меня замерло, когда я заглянул в щелку. Сразу со света в сарае казалось совсем темно, ничего не разберешь. Но постепенно глаза привыкли. Вот вижу — посреди сарая противень; вокруг него вся земля мокрая и валяются ракушки, значит гага вылезала из своего угла и плескалась тут, наверное пила, а может быть, и ела корм. Но где же она сама? Я взгляделся в дальний угол, где вчера сидела гага, — никого нет.

Осторожно отворил дверь и вошел в сарайчик.

В другом углу, там, где были набросаны сосновые ветки, что-то темнело. Да это же гага притаилась на гнезде! Совсем, как вчера в лесу. Сидит неподвижно, втянув голову, и только наблюдает за мною одним глазком.

На общем совете за чаем решили гагу пока не трогать, не ходить к ней в сарай. А когда она немного привыкнет к новой обстановке, переменить ей в противне воду и корм.

РАННЕЕ УТРО

Вот уже три дня, как я после утомительной городской сутолоки наслаждался каким-то поистине первобытным покоем.

Кругом зеленоватый водный простор, скалистые острова, поросшие мхом, сосной да елью, а над ними прозрачное, как первый осенний лед, северное небо. Шепчутся ели, возится и ворчит море. Чайки охают и стонут на песчаных отмелях. Трудно поверить, что где-то есть города, асфальтовые улицы, автомобили, трамвай, что где-то бывает темная ночь, когда в домах и на улицах зажигается электричество. К чему оно здесь? День и ночь светит солнце, не такое, как на юге, палящее, знойное, а какое бывает в ясный сентябрьский день где-нибудь под Москвой. И все здесь кругом как-то удивительно напоминало нашу раннюю погожую осень.

Мы ходили на путешественников, попавших на необитаемый остров. Правда, мы жили не в палатках, а в доме, но он еще более соответствовал общей обстановке. Палатка — это что-то походное, что-то немного от того же города, от туризма. А наш дом — настоящая лесная хижина. Он только что был отстроен из свежих еловых бревен и вместо пакли проконопачен мхом. Внутри дома некоторые бревна были даже не совсем обструганы и на них еще виднелись свежие остатки коры и веточки с завядшей хвоей. Везде по стенам проступали прозрачные смоляные слезы, и от этого в доме удивительно хорошо пахло — совсем как в бору.

Из трещин порою выползали солидные жуки-дровосеки. Они медленно ползали по стенам, поводя огромными усищами, верно недоумевая, куда же они попали.

Наш дом был разгорожен дощатыми перегородками на три помещения. В первом у окна стоял большой свежеструганный стол и моя кровать. Это было мое пристанище. Рядом за перегородкой поместилась Ирина. В третьей комнате — Наташа с Колей. Рая устроилась отдельно, в инкубатории. Она заявила, что это ее гнездо, наседка не может его оставить, пока не выведутся дети. А их у Раи было больше двухсот штук. Можно с уверенностью сказать, что ни у одной наседки в мире еще не было такого многочисленного потомства.

Мы жили настоящей коммуной: вместе работали, вместе вели наше несложное хозяйство. Горожанам, живущим в огромных каменных домах с водопроводом, электричеством и газом, неизвестны труды, невзгоды и радости этой привольной жизни.

По утрам, пока наши хозяйки еще не встали, мы с Колей отправлялись к морю мыться. Это совсем не так просто, как отвернуть кран умывальника или налить в таз воды. Прежде всего мы разыскивали среди огромных прибрежных камней тихий заливчик, в котором в этот день не было волны и вода сверху немного нагрелась солнцем; мы быстро раздевались и клали одежду на согретые камни. Наступал самый решительный момент: ухитриться войти в ледяную воду так, чтобы не взбаламутить ее верхний, теплый слой. Мы забирались по колено. Ноги нестерпимо ломило. Зато как чудесно мыться, осторожно зачерпывая в ладони чуть подогретую солнцем воду! Вымылись. Теперь раз-два-три — мы разом окунались в ледяной кипяток и, как ошпаренные, выскакивали на берег. После такой ванны на солнышке казалось очень тепло. Но греться было некогда, приходилось скорее одеваться и браться за дела.

Иван Галактионович притаскивал целую корзину только что наловленной трески; хозяйки начинали ее чистить, а на нашей обязанности лежали колка дров и разведение костра. Колоть дрова — это совсем не простое дело, если перед тобою чурбачок в полметра толщины. Сперва нужно изучить его анатомию, рассмотреть, как в нем расположены сучки, чтобы колоть вдоль, а не поперек их. Правильно наметить удар — это уже полдела. Сам удар должен быть коротким и точным, как выстрел. В этом искусстве мы ежедневно соревновались с Колей.

Часто попадались кражистые «старички», которые никак не хотели сдаваться. На их желтом срезе — «на лысине», как мы с Колей называли, — ясно виднелись годичные кольца древесины. По

этим кольцам легко можно сосчитать, что такой «дедушка» прожил уже не одну сотню лет.

Мы с Колей выбивались из сил, колун отскакивал от векового дерева, как от железа. Частенько в эти трудные минуты появлялся Иван Галактионович. Он покуривал, хитро прищурившись, смотрел на нашу работу, потом не выдерживал:

— А ну-ка, дай сюда, я разок!

Он брал колун, нацеливался, как ястреб на цыпленка, потом вдруг подскакивал и с каким-то выдохом «хэк» обрушивался на полено. Раздавался сухой короткий удар, и полуметровый кругляк разламывался пополам, открывая, как чудовище свою пасть, розоватую влажную сердцевину.

Дрова наколоты. Мы сносили их на скалистый берег к дому. Там у нас был устроен из серых глыб гранита очаг. Наверное, такие же очаги делали первобытные люди. Возле очага две очередные «стряпухи» чистили свежую треску.

Огонь разведен. Оставалось последнее дело — принести воду. Конечно, морская вода для питья не годится, она горько-соленая; но ведь и озеро с пресной водой тоже рядом, до него каких-нибудь сто-двести метров; кажется, чего проще — сходил и принес воду. Но, оказывается, это было не так просто сделать.

С пустыми ведрами итти — одно удовольствие: идешь леском по извилистой, глубоко протоптанной во мху тропинке. Вот и озеро. Оно всегда тихое, укрытое со всех сторон вековым бором. Столетние ели склонились к воде. В ясный день вода в озере совсем синяя, как небо, и по ней, будто весенние белые льдинки, плывут отраженные облака. Заберешься по шатким мосткам подальше от берега и зачерпнешь в ведро чистую, холодную, как лед, воду. Но тут-то и начиналось самое сложное. Тропинка больше чем на полметра утопает во мху, ведра все время приходится держать на полусогнутых руках, а главное, на каждом шагу во мху скрываются камни. Или споткнешься, или ведром зацепишь — и все труды пропали даром. Вода разольется, да к тому же и окатит тебя всего. Иной раз такое несчастье случалось у самого дома.

Жена Ивана Галактионовича, правда, показала нам очень простой способ избавиться от мучений: носить ведра на коромысле, но к этому искусству и я и Коля оказались совершенно неспособными.

Наконец все утренние труды по хозяйству заканчивались, и мы рассаживались на бережку вокруг очага.

Весело потрескивало сосновое смолье, откуда-то тянул ветерок, примешивая к дымку костра запах леса и моря. Треска на огромной сковороде шипела и жарилась в собственном соку.

Треску соленую, копченую, вяленую в огромном количестве развозят по всему свету. Она считается одной из наиболее дешевых и невкусных рыб. Но только что пойманная, совсем свежая треска, как говорят, «с морской подливкой», да еще поджаренная на костре, тут же на берегу моря, ни с чем несравнима.

После завтрака каждый из нас наливал себе из закопченного на костре чайника по кружке крепкого чая. В нем обычно плавали обугленные веточки от костра. Может, именно от них-то этот чай и казался особенно вкусным.

Хорошо в ранний утренний час сидеть на берегу моря, глядеть в прозрачную голубую даль, слушать ленивый шорох волны...

Но вот кто-то взглядывает на карманные часы:

— Ого, товарищи, уже шесть часов. В Москве сейчас отходит первый поезд метро, пора и нам за работу.

НАША РАБОТА

С утра каждый из нас принимался за дела. Рая направлялась в свое «гнездо» — в инкубаторий. Ей нужно было наблюдать за тем, чтобы в инкубаторе поддерживались соответствующие температура и влажность. Время от времени Рая вынимала из инкубатора на пробу несколько яиц и просматривала на свет, как в них идет развитие зародыша. Для этого она привезла с собой из Ленинграда

особый приборчик, с электрическими лампочками и батарейками. Я тоже как-то вместе с нею просматривал яйца. Они уже не были прозрачны. Больше половины яйца занимал зародыш. Когда он начинал шевелиться в яйце, мы радовались — «зародыш жив!»

Но вся эта лабораторная работа меня мало интересовала, меня тянуло на волю — в лес, к морю, к диким, свободным птицам. Я хотел наблюдать их нравы и повадки непосредственно там, где они развивались в течение миллионов лет.

Я шел на берег моря и обычно встречал там Наташу. С сачком и ведерком она возилась на отмели. Часто Наташа проводила там целые дни. Она изучала жизнь рачков и моллюсков.

Дома, в своей комнате, Наташа устроила целую биологическую лабораторию. На окне у нее стояли банки с различной живностью, а посредине комнаты она часто водружала на керосинку металлический бачок с водой. В этом импровизированном термостате Наташа изучала, как относятся к изменению температуры различные мелкие морские животные. Попутно на этом же приборе она, очевидно, изучала и наше терпение. Дело в том, что во время опыта Наташа обычно не очень заботилась, устойчиво ли на керосинке стоит бачок. А пол в нашей хижине был кривой и очень шаткий. Постепенно от ходьбы в соседних комнатах бачок с керосинки съезжал, потом раздавался грохот и из-под двери выливался целый поток воды, в котором беззаботно плавали различные водные обитатели. Вода растекалась по полу, по углам и подмачивала сложную там провизию. От этого все продукты у нас, до сахара включительно, приобрели морской горьковатый вкус.

Против этого бедствия мы протестовали, как могли, но Наташа уверяла, что иначе опыт вести нельзя. Не берусь судить, так ли это. Конечно, ей было виднее.

Ирины я почти не видел. Она появлялась у нас на несколько часов, забирала провизию, садилась в лодку и опять уезжала на соседние острова. Там она обследовала флору и собирала гербарий.

Мы с Колей и с Иваном Галактионовичем образовали «тройственный мужской союз» — вместе хозяйничали, кололи дрова, чистили сарайчик, ухаживали за пойманной гагой и вместе вели работу по изучению жизни и повадок разных птиц. Мы лазали по скалам, бродили по лесу, отмелям, отыскивая птичьи гнезда, изучали пернатое население наших островов, в каких условиях кто из птиц гнездится, сколько несет яиц и как высиживает.

Когда мы подплывали к пологим песчаным островам, с них срывались сотни птиц и с писком и криком неслись нам навстречу. Птицы кружились над головами, образуя в воздухе живой трепещущий смерч.

Мы разыскивали гнезда чаек, крачек, куликов. Собственно говоря, их и гнездами назвать нельзя. Некоторые из них представляли собой несколько небрежно свитых стебельков какой-нибудь засохшей травы, а другие — даже только углубления в прибрежном песке и гальке, а в них три-четыре пестреньких яйца, совсем как окружающие камешки.

Нередко на открытом берегу моря мы находили и гнезда гаг.

— Глянь-ка, как ловко устроила, и не разглядишь, — обычно говорил Иван Галактионович.

На земле темнела кучка дымчато-серого пуха, гнездо гаги.

Значит, сама гага улетела кормиться на море. Она теперь ныряет где-нибудь в тихом заливишке, обирая своим мощным клювом моллюсков с подводных камней.

О яйцах гага может не беспокоиться: они лежат в полной безопасности, укрытые от холода и от глаз врага ее замечательным пухом.

Интересно, что, укрыв пухом яйца, гага обычно сразу не слетает с гнезда. Она сперва осторожно крадется меж кустов и камней, подалее от гнезда; отойдет метров на пятнадцать-двадцать и только тогда взлетает и летит на море. Бросится чайка или ворона к тому месту, откуда вылетела гага, а гнезда-то там вовсе и нет. Поди-ка отыщи его!

Удивительно тонко выработались инстинкты и повадки птиц в вековой борьбе за существование. Чайки, например, или крачки при приближении опасности никогда не остаются на гнездах, они носятся в воздухе, яростно нападая на врага и стараясь прогнать его. Если бы эти птицы остались на гнездах, они сразу бы выдали их местоположение своим белым, приметным оперением. А так их гнезда и не найдешь. Яйца чаек, куликов и крачек спасает от глаз врага покровительственная окраска, а вот у гаги яйца совсем белые, их легко было бы заметить. Зато сама гага, сидящая на гнезде, почти незаметна. Увидя врага, гага до последней возможности не слетает с гнезда.

Кажется, какая сообразительность, какое разумное использование окружающей обстановки! На самом же деле это не разум, а только инстинкт. Птицы вовсе и не понимают целесообразности своих повадок. Мы не раз ставили опыты, заменяя в птичьих гнездах яйца округлыми камешками и даже картофелинами, — птицы так же усердно насиживали их и яростно защищали от врагов.

Мы записывали в полевую книжку каждое найденное гнездо и возле каждого из них втыкали колышек с номером. Гнездо взято на учет. Теперь мы должны следить, как пойдет насиживание, когда выведутся птенцы. Ведь острова заповедника — это наше огромное птичье хозяйство.

Конечно, самая ценная птица в нем была гага. Мы всячески оберегали ее и боролись с врагами гаг — воронами и большими чайками: разоряли их гнезда, а где возможно, и стреляли этих птиц.

В тех местах, где острова были слишком голы и гага не могла

найти для своего гнезда подходящего укрытия, мы устраивали из камней небольшие ниши. В некоторых из них уже поселились гаги.

К этим гагам мы невольно чувствовали особенную симпатию и даже благодарность за то, что они оценили наши труды. Это уже были «наши» гаги.

— А, пожалуй, года через два-три все отмели будут в таких же «домиках», — сказал однажды Коля. — Представьте, на каждой отмели целый гагачий городок!

— Только нужно побольше домов им настроить, — поддержал его Иван Галактионович.

И мы с еще большим рвением принялись за постройку новых гагачьих жилищ.

На самом берегу я неожиданно наткнулся на целое сооружение из обломков гранитных плит — вроде небольшой крепости, даже окошечки-бойницы были устроены, только некоторые из них почему-то у самой земли. Все окошечки были обращены в сторону моря.

— Что это за строение? — спросил я у подошедшего Ивана Галактионовича.

— А-а, это скрадок раньше был.

— Какой скрадок?

— Да чтобы гагу бить... Когда еще заповедника здесь не было, охотники бывало в таких скрадках и караулили. Ох, и много же гаги раньше тут было — тучи целые!

— А куда же она потом девалась?

— Как куда? Выбили, да и поразогнали всю. Ведь тут на островах что только творилось! Бывало как понаедут браконьеры — и палат, и яйца собирают, и прямо с собаками на гнездах гагу ловят... По полной лодке гаг-то привозили. Чуть не извели совсем. Теперь опять она разводиться стала в заповеднике.

Я подошел ближе, чтобы осмотреть охотничий скрадок.

Там на земле что-то пестрело. Да ведь это же гага на гнезде! Вот так картина! Заброшенный охотничий скрадок — и прямо в нем гагачье гнездо! Раньше из-за этих камней постоянно гремели вы-

стрелы, птицы и близко опасались подлетать к ним. А скоро на том же месте выведутся пушистые шустрые гагачата, вылезут из гнезда и побегут вслед за матерью через старые бойницы, как через ворота, на волю, к широкому морскому заливу.

БЫЧКИ

Как-то вечером я сидел дома и писал.

— Лексеич, едем со мной рыбу ловить, — окликнул меня Иван Галактионович, проходя мимо окна с лопатой и банкой для червей.

Я накинул куртку и вышел. Мы отправились за червями.

— Пойдите, Иван Галактионович, где ж мы их рыть-то будем? — удивился я, когда увидел, что мой спутник идет по отмели прямо к морю.

— А вот здесь и пороем.

Был час отлива. Мы пошли по обнажившемуся дну.

— Тут надо копать, — указал мне Иван Галактионович на кучки вскрытого песка. — Это морской червь, такой нам и нужен.

Иван Галактионович копнул лопатой раз-другой и вместе с песком и галькой выковырнул огромного червя. Я положил его в банку. Иван Галактионович выкопал второго, третьего.

— Ну-ка, дай я покопаю, — попросил я лопату.

— Копай, копай, а я покурю пока.

Я нашел свежую кучку песка и попробовал копнуть. «Э, да это совсем не так просто» — лопата упиралась и никак не входила. Насилу я ее воткнул и выкинул большой пласт песка и гальки. Но червя там не оказалось. Я продолжать рыть, выкопал целую яму — и все без результата.

Иван Галактионович, лукаво улыбаясь, покуривал и следил за моей работой.

— Ну, будет здесь, рой в другом месте, а то все дно насквозь пророешь, — добродушно пошутил он.

Я принялся копать возле следующей кучки песка. Опять сначала никак не мог воткнуть лопату и опять ничего не выкопал.

— Иван Галактионович, куда ж они деваются? — удивился я.

Он докурил, сплюнул, взял у меня лопату.

— Гляди, учись, — он копнул раз, два и сразу выбросил огромного червяка. — Вот как у нас, — подмигнул он и деловито добавил: — Ты лопатой гальку не толки, а поддевай ее, враз и выроешь. А то, пока ты шебуршишь по гальке-то, он услышит — и наутек. В песке-то он ходкий, даром что без ног.

Я опять хотел взять лопату и попробовать, но Иван Галактионович не дал.

— После, на свободе, подзаймись, а теперь за рыбой ехать надо.

Он накопал целую банку огромных морских червей, и мы отправились к ботнику. Привязали на веревку большой камень, взяли его с собой в ботник и отплыли метров на сто от берега.

— Вываливай, — скомандовал Иван Галактионович.

Я осторожно опустил за борт тяжелый камень. Он пошел на дно, увлекая за собой веревку. Другой ее конец мы привязали к ботнику, и он закачался на одном месте.

— Вот теперь мы на якоре, — сказал Иван Галактионович. — Можешь и пробовать.

Он достал из-под сиденья два мотка бечевы, аккуратно наматанных на дощечки. Один моток передал мне. На конце бечевы вместо грузила была привязана небольшая гирилка, а сбоку на поводке — огромный крючок. Мы насадили куски червей и опустили свои нехитрые снасти в воду. Конец веревки я держал в руке, ожидая, когда клонет рыба.

Не прошло и минуты, как кто-то со дна дернул за веревку. Я подсек и, замирая от волнения, стал выбирать снасть. Вот из глубины показалось что-то темное, значит попалась, не ушла. Я вытащил из воды добычу. На крючке прыгала и билась небольшая, на редкость безобразная рыба, с огромной, усаженной шипами головой. По бокам рыбы, как крылья бабочки, торщились два широких пестрых плавника. Небольшое тело ее было покрыто светлыми пятнышками. Я сразу узнал, что это бычок.

«Ну, для начала недурно», подумал я, снимая с крючка рыбу и бросая ее на дно лодки. Почти сейчас же я поймал второго, третьего бычка. Потом я вытащил небольшую, величиной с ладонь, камбалу. Я с любопытством рассматривал эту замечательную, круглую и плоскую, как лепешка, рыбу.

Верхняя, темная сторона ее очень подходит под цвет бурых подводных камней. Здесь помещаются оба глаза. Нижняя сторона рыбы почти белая. Рот у камбалы маленький и кривой. Вот уж страшилище!

Я бросил на дно лодки и эту добычу и не без тайного торжества взглянул на Ивана Галактионовича,

который с мрачным видом сидел на другом конце лодки и не поймал еще ни одной рыбы. Я чувствовал свое явное превосходство в рыболовном искусстве.

Иван Галактионович взглянул на меня и проговорил:

— Неправильно снасть держишь. Ты ее на дно кладешь, а надо, как стукнет груз, малость приподнять и держать навесу, а то так никогда ничего не поймаешь.

— Как не поймаю? Да я уж четыре штуки поймал!

Иван Галактионович презрительно усмехнулся:

— Да разве это рыба?

— А что же?

— Так, лабуда. Она по дну ползает, вот и цепляется. Ты повыше снасть подымай, — еще раз сказал он. — Держи навесу, а то насадку только зря потратишь.

Вся моя рыбацкая гордость мигом слетела. Выходит, мой улов даже не стоит тех червей, которые я на него трачу. Я был задет за живое.

Вскоре Иван Галактионович подсек и стал быстро выбирать снасть. Мне очень хотелось, чтобы и он вытащил такую же «лабуду», вот тогда узнает, как других учить. Но в этот миг Иван Галактионович выбросил в лодку довольно крупную рыбу, очень похожую на навагу.

— Почин есть! — весело сказал он, этим как бы еще раз подчеркивая, что моя рыба в счет не идет. — Теперь, значит, стайка подошла, будет брать. Треска всегда стаями ходит.

И действительно, мы начали таскать рыбу за рыбой. Глядя на этих крупных мясистых рыб, лежащих в ботнике рядом с моими нелепыми уродцами, я должен был поневоле согласиться, что с точки зрения настоящего рыбака на них и в самом-то деле червей трать не стоило.

Но я все-таки не сдавался и спросил:

— Иван Галактионович, а разве у вас бычков не едят? У нас в Москве их маринованных в банках продают.

Он удивленно взглянул на меня.

— Да что ж ты в них есть-то будешь? Голову ай хвост? Мясо-то, почитай, никакого нет.

— А камбалу?

— Камбалу мы едим, только не такую мелюзгу, — он презрительно кивнул головой на мою добычу. — Камбала должна быть во какая, с блюдо хорошее, — это камбала! Мы ее острой колем. Знаешь, что такое острога? Шест, а на конце вроде как вилы с зубринами. Вот едешь по отмели и глядишь: она, как блин, на дне лежит. Сама под цвет дна, сразу и не заметишь, а как приметил, нацелишься острой, цоп — и в лодку.

Пришлось еще раз признать, что и камбала моя за рыбу тоже в счет не пойдет.

Треска брат перестала, очевидно стайка отошла. Но мы продолжали сидеть тихо в ожидании, когда подойдет новая.

Вдруг невдалекé от лодки из-под волны вынырнула чья-то темная, будто чelовечья голова.

Я вздрогнул и не успел еще сообразить, в чем дело, как голова фыркнула и скрылась под водой.

— Ишь, нерпа играет, — недовольно проговорил Иван Галактионович, — всю треску теперь и разгонит.

Нерпа вновь вынырнула, но уже поодаль.

— Ушла, — сказал Иван Галактионович, — а то иной раз начнет нырять кругом лодки, рыбу распугает, тогда снимайся с якоря и переезжай на новое место.

— А можно ее из ружья убить?

— Осенью можно, а теперь нельзя.

— Что ж, запрещается летом бить?

— Не в том дело, — ответил Иван Галактионович, — летом хоть и убьешь, враз утонет. Летом нерпа тощая, вода ее и не держит, а к осени она жир нагоняет, если убьешь, она, как поплавок, на воде и будет держаться.

Мы посидели еще немного, но рыба не бралась. Подул холодный ветер. Залив заволновался. Наш ботник начинало сильно покачивать.

— Теперь толку не будет. Надо ко двору подаваться, — сказал Иван Галактионович.

Мы поплыли домой.

— Ну, как дела? — закричала, выбегая на берег, Наташа. — Я и корзину для рыбы принесла.

— Плохи дела, — ответил Иван Галактионович.

— Как плохи?! — удивился я.

Мы начали выкладывать из лодки в корзину треску. Ее оказалось тридцать две штуки. Тридцать две штуки крупных рыб за какие-нибудь полтора-два часа ловли! И это называется плохо! Я живо представил себе нашу подмосковную речку, какую-нибудь Клязьму или Протву. Ведь если бы оттуда рыболовы-удильщики привезли такую добычу, их подвиг был бы записан в рыболовные летописи. А тут о таком улове просто говорят: «плохи дела». И я с невольным уважением посмотрел на морской залив.

Ветер дул все сильнее, масса воды потемнела, и где-то далеко от берега уже играли белые барашки.

— Вот вы все над нашим морем потешаетесь, — обратилась ко мне Наташа. — Не хотите ли сейчас покататься на лодочке? А это кто же наловил? — вдруг расхохоталась она.

Я обернулся к лодке в ту самую минуту, когда Иван Галактионович с деловым видом выкидывал в море моих бычков.

Мы пришли домой обедать. Я никак не мог помириться с тем, что мой товарищ по рыбалке не одобрил наш замечательный улов.

— Иван Галактионович, а сколько же нужно наловить рыбы, чтобы вы были довольны? — спросил я.

— Полну лодку, — ответил он, уплетая кашу и весело улыбаясь. — Вот это было бы дело... А то что ж это за ловля — полдня провели, еле-еле одну корзину наловили. Да и вообще разве здесь ловля? — он пренебрежительно взглянул на корзину с треской. — Разве это рыба?

— А что же, по-вашему?

— Так, мелюзга, подсолнухи.

Он отодвинул пустую тарелку и вздохнул:

— Вот, Лексенч, под Мурманском это треска, это ловля! Не то что здешняя.

— Что ж, там треска прямо без насадки, на голый крючок падается? — засмеялся я.

— Именно на голый крючок, — совершенно серьезно ответил Иван Галактионович.

— То есть как?

— А очень просто. На поддев там ловят. Выедешь вот так же в море и ловишь на голую снасть, совсем без наживки. Снасть

такая же, как здесь, только крючок побольше да поострее отточен. Опустись его в воду, а сам сядишь на ботничке и подергиваешь веревку — засекаешь рыбу. Как стоя трески подошла, обязательно засекаешь какую за бок, какую за живот, а то и за хвост. Засек и тащи в лодку. А треска-то в полстола, не меньше, отборная, вся одна к одной. Как на стаю попал, за час полну лодку натаскаешь. Вот это ловля, а здесь что? Только одно времяпрепровождение.

Иван Галактионович с досадой махнул рукой, взял корзину и пошел на берег чистить рыбу.

ИНСТИНКТ МАТЕРИНСТВА

Пойманная нами гага уже вторую неделю продолжала упорно сидеть на гнезде.

По утрам вода у нее в противне бывала расплескана, корм съеден. Значит, гага в наше отсутствие выходила из своего угла, кормилась и вновь возвращалась на гнездо. Но что же все это значит? Насиживает ли она яйца, или просто прячется в угол за ветки и сидит там на гнезде только потому, что больше негде сесть? Признаюсь, я скорее допускал последнее. Как это проверить?

И вот однажды все сразу объяснилось. Я вошел в сарай в то самое время, когда гага кормилась в противне.

Птица испугалась и бросилась прочь не на гнездо, а в дальний угол. Я подошел к гнезду и остановился в радостном изумлении. Все яйца были закрыты пухом. Значит, гага бережно укрывала их так же, как она делает это на воле. Теперь я мог убедиться, что гага не случайно сидела в углу на гнезде, а насиживала в нем яйца.

«Как это чудесно! — подумал я. — Наверное, у нас выведутся свои гагачата, и не в шкафу с металлическими подогретыми трубочками, а прямо под настоящей, живой гагой».

Я поспешил к нашим сообщить о своем открытии. Коля бросил работу, и мы помчались с ним обратно к сарайчику, чтобы успеть посмотреть на гнездо, пока гага на него не села.

Подбежали и ахнули: дверь в сарайчик распахнута. Значит, впопыхах я оставил ее открытой. «Все пропало! Вот тебе и гагачата!»

Коля старался меня утешить:

— Ничего, не огорчайтесь, поймем другую...

При этих словах он взглянул в угол, да так и не договорил: гага преспокойно сидела под ветками на своем гнезде; она смотре-

ла в раскрытую дверь, за которой виднелся освещенный солнцем морской простор, она видела его и не двигалась с места.

Мы осторожно вышли из сарайчика. Коля хотел запереть дверь на задвижку.

— А может, и запирать не стоит? — заметил я.

— А ну-ка улетит, — сказал Коля, — или еще кто к ней заберется? Запереть-то надежнее.

Мы закрыли дверь и ушли.

— Удивительная вещь — это материнство, — задумчиво проговорил Коля. — Вы знаете, какой раз был случай на «Семи островах»? Нашли мы тоже гагу на гнезде, да заметили ее, когда чуть ногой не наступили. А она и не летит. Посмотрели, не мертвая ли. Только дотронулись, она цап за палец. Шипит, клюв раскрывает, а сама ни с места. Может, больная, думаем, какая? Взяли ее в руки, осмотрели — ничего не заметно. Только отпустили, она бегом к гнезду и опять уселась. Вот ведь, и людей не боятся!

Мне тоже вспомнился один подобный случай. Как-то в середине лета пошел я в лес на охоту за тетеревами. Вдруг мой пес стал возле куста на стойку. Я скомандовал: «Вперед!» Джек бросился в кусты, но оттуда никто не вылетел, а только послышался какой-то странный писк. «Что такое?» Я полез в кусты и вижу: стоит Джек возле кучки прошлогодних листьев и нюхает что-то, а вокруг него бегают, пищат и норовят укусить его за морду большой старый еж. Признаться, я глазами своим не поверил: первый раз в жизни видел, чтобы еж на собаку нападал да еще кричал при этом. Я заглянул в развороченные листья и сразу все понял: там копошились три крохотных новорожденных ежонка. Это мать-ежиха защищала своих детей.

Я оставил Колю и пошел бродить по берегу, думая о том, как развита и как разнообразно проявляется в природе забота о потомстве.

Даже кукушка, эта самая «легкомысленная из матерей», которая не насиживает свои яйца, а подкладывает их в гнезда других

птиц, и та, если получше вдуматься, проявляет не такую уж малую заботу о своих птенцах. Кукушата очень прожорливые, и одной матери было бы крайне трудно прокормить сразу нескольких птенцов. А разложит она свои яйца по разным гнездам, птенцы ее все отлично и вырастут, тем более что уж кукушонок сумеет о себе позаботиться: выкинет из гнезда других птенцов и останется в нем один.

А как хорошо заботится о своем потомстве крошечная рыбка колюшка! У этих рыбок самец устраивает на дне водоема из травы и ила настоящее гнездо, в которое самка откладывает икру. И вот, пока из икринок не выведутся малыши, «заботливый папаша» неотступно охраняет свое гнездо, яростно отгоняя от него врагов.

И сколько еще самых удивительных форм принимает в природе этот замечательный инстинкт — инстинкт сохранения вида! Только смотри и наблюдай кругом.

Вон белые чайки хлопочут на дальних отмелях. Там, среди песка и гальки, у них устроены гнезда, и в каждом гнезде положено по три пестрых яйца. Три-четыре недели подряд, и день и ночь, и в дождь и в ветер, эти птицы упорно сидят на гнездах, высиживая птенцов. А потом начнется еще более трудная и хлопотливая пора — выкармливание детворы. И так год за годом, век за веком.

Миллионы лет потребовались на то, чтобы в жесточайшей борьбе за существование у животных выработались эти изумительные инстинкты. А каковы они были у какого-нибудь прародителя современных птиц, ящероподобного архиноптикса? И во что они превратятся еще через миллионы лет...

Вдруг кто-то хлопнул меня по плечу. Я даже вздрогнул от неожиданности, обернулся. Передо мной с лопатой на плече стоял Иван Галактионович.

— Ты что, Алексеич, пригорюнился?

— Да ничего. Вот смотрю и думаю, что здесь будет через миллион лет.

— Через миллион-то? Эх, куда хватил! — удивился Иван Галактионович. Он немного подумал и уверенно ответил: — Да что, милок, будет? Все то же и будет, что и теперь: море, да берега, да чайки... А ты чего об этом тревожишься?

— Да я не тревожусь, а так, интересно бы знать.

— Конечно, интересно, — согласился Иван Галактионович. — Только ведь, пожалуй, сколько ни думай, не угадаешь. А ты лучше идем-ка со мной червя копать. А то вот о таких делах беспокоишься, а червя вырыть никак не можешь. Только лопатой шебуршишь.

— Это верно, — согласился я, и мы отправились на отмель.

ТАИНСТВЕННЫЙ ГРАБИТЕЛЬ

Однажды утром, после чая, мы с Колей решили поехать на соседний остров, как следует его облазить и провести учет гагачьих гнезд.

Усевшись в ботник, отгребли от берега и поставили парус. Свежий морской ветер ударил в холст, надул его, и ботник, покачиваясь, легко побежал по волнам.

— Вот теперь и грести не надо, — весело сказал Коля, вынимая кисет, трубку и закуривая. — Ну что, Георгий Алексеевич, не жалеете, что к нам сюда приехали?

— Что вы! Конечно, не жалею.

— А как здесь осенью хорошо, когда листья вянут! Горы все разноцветные: желтые, зеленые, красные... А небо и море совсем синие, и не отличишь их.

Я невольно улыбнулся.

— Чего вы смеетесь?

— Да как-то забавно слышать, когда вы говорите «море». Разве это море? Так, не то озеро, не то заливчик.

Коля хитро взглянул на меня.

— Погодите еще, попадете как-нибудь в погоду, сразу небо с овчинку покажется. Знаете, один раз мы с приятелем плыли здесь вот так же на ботничке. Тепло, солнышко. Вдруг облачко набежало, ветерок... Сильнее, сильнее, да как рванет! Закружилось все, волны так и захлестывают, швыряет нас, как щепку. И островок рядом, а добраться не можем. Думали, уж конец. Потом подхватило нас волной и выкинуло на берег. Вымокли все до нитки — одежда, еда, табак. И, знаете, разошелся ветер, дует и дует, хоть плачь. А «заливчик»-то ваш весь белый, ревет, куда там плыть! Сидим на островке и ждем. Досадно так, до дому рукой подать, каких-нибудь пять-шесть километров, а поди-ка доберись! Так двое суток и высидели!

Я слушал Колю, смотрел на эту зеленоватую, чуть-чуть волнующуюся водную гладь и не мог себе представить ее ревущей и бушующей.

Вон впереди нас на воде мирно покачиваются, будто детские бумажные лодочки, какие-то птицы, наверное чайки.

Мы подъехали ближе. Я посмотрел в бинокль. Нет, не чайки. Это крупные белые утки с темными головками. Коля тоже взглянул на них.

— Ишь, мужья-то собрались, целый клуб.

— Какие мужья?

Коля усмехнулся:

— Это же гагуны. Жены их теперь на гнездах сидят, а они без дела. Вот целой компанией и собрались. Скоро в еще большие стаи собьются и уйдут в открытое море перо менять.

Я с любопытством начал рассматривать в бинокль этих замеча-

тельных птиц. Вот уж настоящие моряки! Наши птицы во время линьки забиваются куда-нибудь в кусты, в чащу леса, а для этих самое безопасное место — открытое море. Да ведь и правда, попробуй найди-ка их среди безбрежной водной пустыни! А голода им бояться нечего — кормит их море.

Мы подплыли ближе. Гагуны насторожились и вдруг с шумом поднялись. Они полетели, часто махая короткими крыльями и вытянув белые шеи с темными головками.

Летящие гагуны очень забавны: они похожи на большие бутылки, к которым приделаны крылья. Птицы пролетели над самой водой несколько сот метров и опустились на море у берега лесистого острова. Вдруг из-за верхушек леса что-то большое, темное стрелой бросилось на гагунов. Всплеск воды — вся стая шарахнулась в сторону. Огромный орлан-белохвост тяжело поднялся в воздух; в когтях у него белел схваченный гагун. Медленно махая широкими крыльями, грузная птица полетела со своей жертвой обратно к острову.

— Ах, разбойник! — вздохнул Коля, глядя вслед улетающему орлану. — Мало ему рыбы в море, еще и за гагунами охотится.

— Ну, уж я думаю, много вреда он не сделает, — сказал я, невольно любуясь огромной птицей.

— Конечно, не сделает, — заметил Коля. — Ведь он в основном рыбой питается.

Мы подплыли к острову и по обнажившимся при отливе камням перебрались на берег. Пошли разыскивать гагачьи гнезда.

Я заглядывал под каждое свалившееся дерево, под каждый куст в поисках гаги. Но гаг нигде не было. Что за странность?

Вот под елкой разбросан старый гагачий пух, и больше ничего нет. А вот опять пух и скорлупки. Да ведь это же разоренное гагачье гнездо! Я подозвал Колю, он внимательно все осмотрел.

— Да, разорено... Наверное, вороны. Это — злейшие наши враги. Вы знаете, сядет, негодница, на верхушку дерева и выслеживает, когда гага с гнезда кормиться сойдет. Если заметит, сейчас же к гнезду, все яйца побьет и выпьет.

Мы пошли дальше. Опять разоренное гагачье гнездо. А вот и еще, и еще одно.

Коля с беспокойством оглядел их.

— Э, да это уж не ворона! — Он поднял остаток гагачьего крыла. — Кто-то не только яйцами, а и самой гагой полакомился.

Мы продолжали искать гагачьи гнезда, но все они кем-то были разорены. Всюду в лесу виднелся разбросанный пух, скорлупки от яиц, а нередко тут же лежали остатки и самих гаг.

После трехчасовых трудов, обшарив половину острова, мы

обнаружили шесть нетронутых гнезд. Все остальные были разорены и уничтожены. Мы вышли на берег и сели отдохнуть.

— Как вы думаете, кто ж это натворил? — спросил я.

Коля пожал плечами:

— Завтра устроим облаву, тогда увидим.

На другой день мы отправились на злополучный остров, чтобы выследить и уничтожить того, кто разоряет гагачьи гнезда. Коля, Иван Галактионович, Ирина и я взяли ружья, а Наташа, Рая и жена Ивана Галактионовича с ребятами поехали загонщиками.

На трех ботниках приплыли на остров. Мы, стрелки, стали цепью вдоль одного берега, а загонщики должны были зайти с другого края, итти через лес, кричать и гнать на нас зверя.

Я стал возле старой сосны. Впереди поляна, за поляной кустик, дальше лес.

Вот где-то вдаль, в лесу раздались первые крики загонщиков. Хоть бы на меня выгнали! А кого? Может, рысь или росомуху... Зимой ведь залив замерзает, могли и они сюда забежать с материка из леса.

Крики загонщиков становились все слышней и слышней. Потрясенный рябчик торопливо перелетел поляну. Где-то в лесу слышалось хлопанье крыльев. Взлетела гага или тетерев. Я всматривался в кусты за полянкой. Только бы не пропустить! От напряжения зарябило в глазах, мешало глядеть.

Вот что-то мелькнуло. Невольно вздрогнул, схватился за ружье. Или это только показалось? Нет, нет, опять мелькнуло. Какой-то зверь шмыгнул в кусты и затаился, бонся выскочить на поляну. Наверное, высматривает.

Где-то совсем близко крикнул загонщик. В кустах шевельнулось, захрустело...

Я вскинул ружье и тут же разочарованно опустил: огромный старый заяц выскочил на поляну и сел прямо передо мной, насторожив уши.

Вдруг, как раскат грома, прокатился по лесу выстрел. Заяц исчез в кустах. Вдали послышался призывный крик.

Кого же убили?

Поспешил на зов. Навстречу из за поворота показался Иван Галактионович. В руках у него виднелась убитая лиса.

— Вот она! — крикнул Иван Галактионович, высоко поднимая за задние ноги свою добычу. — Теперь уж не созорничает...

И он энергично потряс ею в воздухе.

Все собрались к ботникам и отправились домой.

— А какие еще звери на островах в заповеднике водятся? — спросил я у Ивана Галактионовича.

— Да на небольших островах, почтай, одна птица, а из зверья только мелочь. Разве какой настоящий зверь зимой с берега забредет и останется, когда море вскрыется. Вот на Великом острове, там любой зверь имеется. Обязательно, Лексеич, надо нам с тобой туда проехать. Хороший остров, большущий, и весь лесом покрыт. Лосей там полно, и медведя тоже пропасть. Прошлым летом медведица сторожа прямо в море загнала.

— Как же так?

— Шел он по берегу, а она, значит, тоже на бережку с детками гуляет. Увидела его и — вот ведь озорница какая! — вместо того чтобы тихо, благородно итти себе в лес, она прямо к нему. Куда деваться? Он в воду. А вода-то у нас в море, сам знаешь, как лед. Залез по пояс, дух захватило, того гляди свалится. А медведица гуляет по бережку взад-вперед, фыркает, урчит, никак не убежится. Насилу ушла. Уж он до сторожки-то еле-еле добрал. Обя-

зательно, Лексенч, нужно нам с тобой на Великий проехать. Может, какая медведица и тебя искупает.

— Вот тебе раз! За что же ты мне этого желаешь?

Иван Галактионович добродушно улыбнулся:

— А чтобы тебе о нашем заповеднике получше память осталась. А то ведь уедешь, да и позабудешь нас.

ПЛАНЫ НА ВДУЩЕЕ

Наша гага в сарайчике погибла. Мы нашли ее утром на гнезде мертвой. Наверное, ей чего-нибудь нехватало в корме или было слишком душно. Как жаль, что мы не оставили тогда дверь сарая открытой! Ну что ж делать, теперь беды уже не поправишь.

Мы второй день не выходили из дому: ветер и море так разбушевались, что носа не высунешь.

Волны с грохотом ударяли в береговые камни. Водяная пыль взлетала в воздух и мелким дождем сыпалась на берег, на стены нашего дома. Низкие рваные тучи бежали над самой водой. Заходило. Вот-вот, казалось, пойдет снег.

А в нашей хижине было тепло и по-лесному уютно. Мы затопили печку. Жарко полыхали дрова, пахло дымком и смолой. Усатые жуки-дровосеки повывлезли из щелей и тоже грелись на стенах.

Мы с Колей сидели за столом, заваленным книгами, тетрадами, и разговаривали о том, как бы скорее превратить наши северные острова в сплошные гагачьи поселения.

— Прежде всего, — сказал Коля, — нужно убедить местных жителей, что несравненно выгоднее ежегодно собирать пух с гагачьих гнезд, чем убивать самих уток.

— Хорошо бы устроить выставки по гагачьему промыслу, — заметил я.

— Верно, — согласился Коля. — Ведь по существу только теперь мы начали по-настоящему налаживать охрану гаги. До революции ее только истребляли. В Исландии гагу разводили еще в пятнадцатом веке, а в восемнадцатом там была предложена премия за лучший проект покровительства гаге.

Коля встал из-за стола, достал с полки небольшую книжку о гаге профессора Формозова и начал читать вслух об исследователе Шепарде, посетившем северо-западную часть Исландии:

«Мы высадились на скалистый, изъеденный волнами берег. Перед нами было самое удивительное орнитологическое зрелище, какое только можно себе представить. Повсюду были гаги и их гнезда; большие бурые самки сидели на гнездах в огромных количествах и на каждом шагу выскакивали из-под наших ног. Лишь с большим трудом нам удавалось не наступать на гнезда. На противоположном берегу как раз над уровнем прилива тянулась очень толстая стена из больших камней вышиной около трех футов. Из низа стены с обеих сторон было вынуто через один по камню, так что образовался ряд квадратных помещений, служащих птицам гнездами. Почти каждое помещение было занято, и пока мы шли вдоль берега, из них вылетала целая вереница гаг, одна за другой. Поверхность воды была совершенно белая от самцов, приветствовавших своих буроватых подруг громким и шумным криком. Даже дом человека был настоящим чудом. Его земляные стены и отверстия окон были заняты гагами; вокруг дома на земле бахромой сидели те же птицы. Мы могли их видеть также на торфяных скатах крыши, а одна гага сидела на скребке у порога. На лужайках, обращенных к морю, дерн был снят квадратными кусками величиной около восемнадцати квадратных дюймов, и каждая из образовавшихся ямок была занята гагами. Этой птицей были наводнены ветряная мельница, все постройки, все бугры, все скалы и трещины. Гаги были повсюду. Многие из них оказались такими ручными, что мы могли гладить их на их гнездах»¹.

¹ А. Н. Формозов, Гага и промысел гагачьего пуха. Москва, Всекохотсоюз, 1930.

Коля закрыл книгу.

— Вот сколько развели! — с невольной завистью сказал он.

— Коля, а ведь и у нас гага могла бы гнездиться тут же, рядом с домом!

— И будет, непременно будет, — ответил он. — Исландия для гаги вовсе не какая-то особенная страна. Гагу прекрасно разводят и в Дании и в Норвегии... Там тоже давно уже перестали смотреть на нее как на объект охоты. У них это не дикая птица, а старый верный друг рыбака, даже нередко член его семьи. Знаете, в Норвегии гаги так привыкают к людям, что строят свои гнезда не только во дворах, но даже заходят в дома рыбаков. Вот в этой же книжке Формозова рассказан очень занятный случай: рыбак возвратился с промысла домой, а на его постели сидит гага — устроила гнездо и высидивает птенцов. Он и не подумал ее прогнать. А однажды рыбакам пришлось даже новую печку складывать, потому что в их старой гага устроила себе гнездо.

Я слушал Колю и думал о том, как все это хорошо. Ведь это море сроднило рыбака с дикой свободной птицей. Рыбак уплывает на промысел; неделями носится он среди холодных зеленоватых волн. Кругом ни души, только море, да скалы вдаль, да на гребнях волн белыми лодочками качаются гагуны, обычные спутники рыбака. Они скрашивают его суровый труд, живо напоминающая о родном доме, о семье. Ведь у них там, на далеком скалистом берегу, тоже остались «жены». Они сидят теперь в теплых пуховых гнездах и высидивают детвору. Рыбак смотрит на гагунов как на своих знакомцев. Кто знает, может быть, именно те из них, что теперь плавают возле его лодки, и есть его ближайшие соседи, может быть, именно их-то «жены» и поселились в его хижине. Помор и дикая морская птица гага — верные друзья. И не может быть, чтобы вся эта дружба, вся заботливость помора о гаге основана была только на выгоде, на желании собрать как можно больше драгоценного гагачьего пуха. Конечно, нет. Ведь устраиваем же мы скворечни, часто вовсе и не думая о той пользе, которую приносят нам скворцы. Или, например, разве думает о выгоде какой-нибудь старый седой украинец, когда, кряхтя, лезет на соломенную кровлю своей мазанки и пристраивает там колесо, чтобы важный аист-черногуз свил на нем свое огромное гнездо.

Мне вспомнился случай, когда в одной деревушке на Полтавщине загорелся дом. Мальчуган, сын хозяина, выпустил со двора скотину и сейчас же полез на горящую крышу, чтобы снять с нее гнездо с аистятами. Только потом он бросился к своим помогать вытаскивать из дома добро.

— Ребята — вот кто наши лучшие помощники, — сказал я Ко-

ле. — Им-то и нужно привить интерес к охране гаги. Почему бы не устраивать в приморских школах весенний праздник — день птиц, как у нас в Средней России? Наши школьники развешивают скворечни, а здешние на своих пустынных островах сооружали бы из камня гагачьи домики.

— Это идея! — сказал Коля. — Кстати, ведь гага, так же как и скворец, привыкает к месту своего гнезда. Из года в год она устраивает его не только на одном и том же островке, но даже старается занять ту же самую ямку. Вот у каждой школы и были бы свои домики, свои гаги.

Я случайно взглянул в окно.

Наконец-то солнце выглянуло из-за туч. Море плескалось в голубых огненных вспышках. Блестели мокрые камни на берегу, а на них — белые чайки, как комья снега. Совсем по-весеннему. И мне невольно вспомнились старые-старые стихи, которые мы читали когда-то, еще в раннем детстве:

Под вешним солнцем тает снег,
Проснулось море к новой жизни.
Здесь каждый камень дорог мне,
В моем краю, в моей отчизне.

ЗООЛОГИЯ И БОТАНИКА

В заповеднике мы все, кроме Ирины, изучали животных, и перед нами раскрывалась их жизнь, полная своеобразной деятельности. И день и ночь птицы строят гнезда, высидивают птенцов, охотятся за добычей... Чайки ловят рыбу, а рыба, в свою очередь, поедает мелких морских животных. Даже Наташины крохотные

рачки, и те были полны жизни. Как ловко носились они в банке с водой, гонялись друг за другом и прятались под камешки, будто играли в прятки.

Я часто с любопытством и даже с невольным уважением смотрел на эти крошечные существа. Ведь они составляют могучую «армию» водяных санитаров. Без них трупы морских животных отравляли бы воду. Но именно этому и препятствуют миллиарды морских рачков. Они поедают разлагающиеся трупы и тем самым очищают воду.

Я мысленно представил себе труп огромного чудовища — кита, прибитый водою к берегу. И вот целые полчища крохотных морских рачков набрасываются на разлагающееся тело исполина. Они поедают его, поедают до тех пор, пока от чудовища остается один скелет, который, как корабельный остов, выброшенный волнами, еще долго будет торчать на пустынном берегу.

А как занимательна морская звезда, этот маленький хищник, злейший враг моллюсков! Даже двустворчатому моллюску трудно от нее уберечься. Морская звезда медленно подползает к добыче и обхватывает ее своими лучами. Напрасно моллюск плотно закрывает раковину, это ему не поможет. Звезда прижимается к краям его раковины и выпускает едкую жидкость. Одурманенная жертва невольно раскрывает створки. Тогда звезда запускает внутрь раковины длинный кожистый хоботок и, как огромный паук, высасывает все соки из своей добычи.

Наблюдать и изучать жизнь любых животных очень интересно. А вот занятие ботаникой меня никогда не привлекало. И я немало удивлялся, когда видел, как Ирина с увлечением собирала разные травы.

Возвращаясь из поездок на острова, она первым делом бережно раскладывала сушить свое «сено», как я в шутку называл ее ботанические коллекции.

Но Ирина никакого внимания не обращала на мои шутки.

— Просто вы в этом ничего не понимаете, — говорила она. — Поедемте как-нибудь со мной, я вам докажу, как это интересно.

И вот как-то раз мы отправились с ней на соседний остров.

— Ну, что вы здесь видите? — задорно спросила меня Ирина, когда мы выбрались на лесную полянку.

По правде говоря, я видел одну сплошную траву, из нее выглядывали какие-то цветочки. Я силился вспомнить их названия — и не мог.

— По-моему, это все трава и трава, — пошутил я.

— Невелики ваши познания! — иронически сказала Ирина. — Неужели вы и в лесу видите только дрова и дрова?

Это меня задело за живое.

— Ну, уж извините, в лесу я каждое дерево, каждый кустик знаю.

Лес — это моя любовь. Для меня деревья даже вовсе не растения, а могучие сказочные богатыри. Сотни лет они ведут друг с другом упорную войну за солнце, за влагу, за свое место на земле. Вон на краю поляны два дерева. Огромная ель широко раскинула свои густые ветви и тянет вверх к солнцу зеленую крону. А прямо из-под нее поднимается молодая березка. Она изогнула весь свой длинный гибкий ствол, силится вырваться к солнцу из-под старой ели. Оба дерева сцепили ветви, будто руки, в смертельной схватке. Это замечательный поединок двух богатырей. Поединок, длящийся не минуту, не час, а многие-многие годы. А дальше за поляной — небольшое открытое болотце. На нем только кое-где виднеются одиночные березки. Это первые лесные разведчики пробуют укорениться на зыбкой почве. Обживутся, стянут ее своими корнями, удобрят опавшей листвою, а уже вслед за ними двинется в наступление и вся остальная лесная рать: сосны, ели. И так постепенно, год за годом, век за веком и завоюют, займут это болотистое местечко.

Я рассказывал об этом Ирине.

Она слушала меня, улыбаясь, и вдруг весело перебила:

— Так вы же в душе настоящий ботаник!

— Нет, уж извините, вся моя ботаника и начинается и кончается лесом, а в ваших травках я ничего не смыслю, да и не любитель в них копаться.

— Послушайте, это же совсем нелогично, — улыбнулась Ирина. — Вы с таким увлечением говорите о борьбе деревьев, а на земле, кроме травы, ничего не видите. Ведь и среди травянистой растительности идет такая же «война».

— Нет, совсем не такая же. Там борьба исполинов, борьба веков...

— А тут, если хотите, по-вашему, борьба карликов, — опять перебила меня Ирина. — Неужели же это менее интересно?

Она стала на колени и бережно раздвинула руками густую зелень.

— Вы только посмотрите, какая здесь идет потасовка!

Ирина вдруг быстро склонилась к земле.

— Смотрите, смотрите сюда!

Она показала на небольшое растение с невзрачным зеленовато-желтым цветком, совсем затерявшееся среди травы. Ирина произнесла по-латыни какое-то совсем незнакомое мне слово.

— Замечательная находка! Впервые вижу, что это растение зашло так далеко на Север, в самое Заполярье. Его родина гораздо южнее.

Я не узнавал Ирину. Она, всегда сдержанная, вдруг в таком волнении!

— Да что же вы стоите? Ищите, нет ли здесь еще, — командовала она.

Ее волнение невольно передалось мне. Я уже почувствовал знакомый охотничий азарт, желание во что бы то ни стало найти и самому. Я опустился на корточки и тоже стал рыться в траве.

— Тише, тише, так вы все только помнете! — беспокоилась Ирина.

Мы обшарили всю поляну, но больше ничего не нашли.

— Вот вам и загадка, — заметила Ирина, рассматривая свою находку. — Откуда этот путешественник сюда попал, кто его забросил? Может, птица семечко занесла, а может, и еще кто... Знае-

те, если бы я была писательницей, я бы обязательно написала книжку о приключениях одного маленького семечка; как оно залетело далеко-далеко от своей родины, как осваивалось, обживалось совершенно одно на новом месте... Ведь это же маленький Робинзон на необитаемом острове.

«Маленький Робинзон, — мысленно повторил я. — Как это славно». И действительно, какими же путями перелетело крохотное семечко за тысячи километров на Север, на этот одинокий скалистый остров?

Я взглянул на Ирину, на ее раскрасневшееся довольное лицо и вдруг как-то сразу понял и ее азарт и переживания. Да ведь собирание растений — это та же охота, пожалуй не менее увлекательная, чем всякая охота — за зверем, за птицей.

И, как будто угадав мои мысли, Ирина сказала:

— Знаете, для меня составление гербария — не только наука; для меня гербарий — это целый альбом путевых зарисовок. Вот зимою в университете раскрою его, начну разбирать, приводить в порядок, и кажется, будто вновь путешествую по тем же местам, где бродила летом.

Мы миновали полянку и вошли опять в лес. Кругом ели, да мох, да громадные серые камни, поросшие разноцветным лишайником.

Ирина осторожно брала кустики мха, лишайников, ягеля, заворачивала в бумажки и клала в свою папку. Я смотрел на ее работу, на ее ловкие руки, и мне казалось, что она и вправду художник. Ведь в своей папке Ирина уносила с собой живые наброски Северного края, про который так хорошо сказано: «Ель, сосна да мох седой...»

ВОДЯНОЕ КРЕЩЕНИЕ

Была уже вторая половина июня. Приближалась самая интересная пора — вылупление гагачат. Дружная весна и теплое, погожее лето предвещали, что выводки будут очень ранние. Когда мы открывали инкубатор, оттуда слышался приглушенный писк — это пищали еще не вылупившиеся птенцы. Пришло время позаботиться о будущем молодняке.

Коля собрал наш маленький коллектив. Он надумал построить в морском заливчике возле инкубатория вольеру¹ для гагачат. Этот заливчик интересен тем, что во время отлива почти вся вода из него уходит. В это время нам и нужно было успеть соорудить нижнюю, подводную часть вольеры: укрепить на дне проволочную сетку так, чтобы гагачата не смогли под нее нырнуть и вылезти из вольеры.

¹ Вольера — отгороженное сеткой пространство, где птицы находятся в естественных условиях.

— Проволочная сетка у нас есть, — сказал Коля, — а за досками дело не станет.

Действительно, на соседних островах строительного материала валялось сколько угодно. Волны выбрасывают на берега доски и бревна — это остатки лесных заготовок, принесенные морем.

Вольера для выращивания гагачат была нам очень нужна. Конечно, можно выведшихся птенцов сразу же подпускать к диким гагачатам, и, по словам Коли, выводки во множестве появятся у островов. Но в вольере мы смогли бы день за днем наблюдать наших птенцов, изучать их жизнь и образование у них различных повадок.

На другой же день мы с Иваном Галактионовичем в большой лодке отправились собирать доски для вольеры. До соседних островов добраться было не так легко, потому что дул встречный ветер. Но зато мы выехали во время отлива с попутной водой, так что плыть пришлось по течению. А через несколько часов должен был уже начаться прилив — вода пойдет обратно, и возвращаться можно опять по течению.

На ближайшем пологом острове по берегам мы нашли множество самых различных бревен и досок. Не прошло и трех часов, как мы натаскали их к лодке целую кучу и принялись грузить.

Чем дальше шла погрузка, тем с большим беспокойством поглядывал я на лодку. Она была уже полна, но Иван Галактионович все еще накладывал сверху длинные доски. Лодка совсем осела, так что края ее почти касались воды.

— Иван Галактионович, что ты делаешь! Нас волною сразу захлестнет.

— А ты, Лексенч, грузи да помалкивай, — добродушно отозвался Иван Галактионович, продолжая таскать доски.

— Да что ты, в своем уме? — не на шутку забеспокоился я. — Тогда плыви один, мне еще жить не надоело!

Иван Галактионович остановился с доской на плече и презрительно сплюнул.

— Э-эх ты, баба рязанская, а еще тоже — мужик! — И он зашагал к лодке.

— Ну, тогда делай, что хочешь, я с тобой все равно не поеду, — решительно сказал я и, отойдя в сторону, сел на камень.

Наконец Иван Галактионович закончил погрузку и туго прикрутил канатом поклажу к лодке.

Прилив еще не начался, приходилось ждать с полчаса.

— Вот теперь и покурить можно, — весело сказал Иван Галактионович, подсаживаясь ко мне. — А ты, Лексенч, не сердись и не сомневайся, доедем в лучшем виде. Поставим парус, ветер попутный, вишь как задувает.

Действительно, пока мы грузили, ветер усилился, залив потемнел, начинался настоящий шторм.

— Нет, Иван Галактионович, — сказал я твердо, — я тебя так не пущу. Утонешь, а потом за тебя отвечай. Смотри-ка, что на море делается! Лучше переждем здесь, а пока давай-ка сбросим половину досок.

Иван Галактионович негодуя поглядел на меня.

— Да ты что ж, малый, рехнулся, что ли? Грузили-грузили, а теперь сгружай? Ты что ж, кататься сюда приехал?

— Нет, не кататься, но и не топиться. На море буря, а ты плыть собрался, да еще с таким грузом.

Иван Галактионович вдруг расхохотался.

— Э-эх, Лексенч, да чего же ты так забоялся? Я ж тебе говорю, не потонем. Ты сам подумай: чем лодка-то у нас гружена? Лесом, сушняком. Разве сухой лес потонет? Он все, как поплавок, поверху будет плыть. Пустую лодку скорее захлестнет. Тут только нужно глядеть, чтобы волной все у нас не расшибло да не перекувыркнуло ботник, а потонуть не потонем. Ты знаешь, в прошлом году я раз вовсе без лодки приплыл — доски собрал, скрутил канатом, сел на них и айда... А ветрило такой, жуть прямо, волны, что горы; меня ка-ак подхватило да ка-ак понесло! Ну, думаю, сейчас всю мою укладку по дощечке расхвыряет — и пропал... Думаю, а сам не поддаюсь: правлю доской прямо на остров. Волной сзади как поддаст, поддаст — с головой накроет. Холодно! Зуб на зуб не попадает. Уцепился за канат, держусь, чтобы не сшибло. А доски тоже не упускаю. Как к острову стал подплывать, на берегу заметили, сбежались, глядят: что за диво — человек плывет, а на чем, и не поймут. Думали, с кораблекрушения. Уж хотели на по-

мощь лодку гнать, да только не смогли против ветра выбиться. Сунулись, а их волной назад, чуть лодку об камни не расшибло. Ну, а я уж тут и выкатил прямо на берег — ничего себе, живой, только нитки сухой нет. Руки, ноги так свело, не разогнуть. Мне, значит, сразу стакан спирту, одежду сухую — и все в порядке.

— Ну и молодец! А ты, верно, на море и родился?

— Не-ет, я не здешний, я владимирский. Знаешь, володимирцы-богомазы...

— Как же не знать, я во Владимире не раз бывал, — почтай, земляки.

— Ну вот, а ты плыть со мной боялся, утоплю, говоришь. Да разве можно зсмяка утопить? Ты, Лексенч, даже насчет этого и не сомневайся. Доедем тихо, спокойно, как в санках по первопутку.

Я живо представил подобное же плавание Ивана Галактионовича в бурю на бревнах — это мало походило на спокойное путешествие в санках, но делать было нечего. Уверенность Ивана Галактионовича лишала меня возможности отказаться плыть вместе с ним.

Начался прилив. Мы подняли парус, взобрались на доски и отчалили от берега. Едва только мы выплыли из-за острова на открытое место, ветер со страшной силой ударил в парус; лодку подбросило, как сухую щепку, и вдруг я почувствовал, что мы летим куда-то вниз, будто проваливаемся в бездну. Ледяная вода окатила с ног до головы. В ужасе я ухватился за доски. «Тонем!»

Но в этот же миг нас подбросило вверх, и мы вылетели на гребень волны.

— Держись, Лексенч, — как ни в чем не бывало крикнул Иван Галактионович.

Я оглянулся. Весь мокрый, отфыркиваясь, он сидел на корме и, поддев руку под канат, как клещами вцепился в кормовое весло.

Мы опять полетели вниз. Я замер от страха: позади нас поднималась водяная гора. Не успел я даже вскрикнуть, как лодку снова окатило водой.

Должно быть, вид у меня был далеко не геройский. Иван Галактионович взглянул на меня и расхохотался:

— Что ж ты, Лексенч, глаза-то выпучил, ай помираешь?

Этот оклик меня сразу как-то ободрил. «А может, и вправду не так уж опасно», подумал я и решил больше не оглядываться, чтобы не видеть, как нас накрывает волной.

Теперь я понял, что лодку действительно сразу залило бы волнами, если б она не была битком набита сухим лесом. Только бы не развязался канат и волны не разбросали бы наши доски,

тогда конец. Вот когда я оценил сноровку моего товарища, искусство, с каким все было уложено и увязано.

Я не вытерпел и опять оглянулся на Ивана Галактионовича. Он ободряюще подмигнул мне:

— Жив, Лексенч? Не тревожься, доплывем.

И вдруг, глядя на него, я почувствовал, что мне уже вовсе не страшно, даже весело. С таким не утонешь!

Наш дом быстро приближался. Ветер стал заметно стихать. А когда мы завернули за ближайший к дому остров, тут уж было совсем тихо. Парус безжизненно повис, пришлось браться за весла.

На берегу нас встретила Наташа. Глядя на наши мокрые, скрюченные от холода фигуры, она рассмеялась:

— Прямо, как мокрые куры! Идите скорей греться!

— Ты нам расхлопочи внутреннего согревающего, — отозвался Иван Галактионович. — Нужно Лексенча с водяным крещением поздравить, а то он наше море за лужу все почитает. Так, что ли?

Я молчал. Теперь, на берегу, мне было стыдно своего малодушия.

Когда мы уже подходили к дому, Иван Галактионович неожиданно потрепал меня по плечу:

— А ты все-таки ничего, мужик подходящий.

Я удивленно поглядел на него: что он, опять смеется?

Он действительно улыбался.

— Знаешь, Лексенч, о прошлом годе тоже ваш «научный» приезжал из Ленинграда. Ну, тот похрабрее тебя. Я, говорит, сам на море вырос, привычный, значит. Вот мы с ним и попали разок в такую же погоду. Как закружило нас, ну, беда! А он-то, сокол мой, прямо в слезы да кричать, как маленький. Что тут делать? Нужно и править, чтобы не опрокинуло, и воду из лодки отливать, да еще и его утешать. И впрямь чуть не утонули. Потом уж он от меня дня три все прятался, стыдно, значит. А ты ничего, подходящий. Только глаза малость выпучил, знаешь, как у рака, — и он опять добродушно рассмеялся.

ПЕРВЫЕ ГАГАЧАТА

На следующий день, как только с отливом вода ушла из залива, мы забрались в топкую грязь, заколотили в дно длинные сваи, прибили к ним поперечные брусья. Все хлопотали не покладая рук и перепачкались с ног до головы. Но, по правде, всю наиболее ответственную часть работы делали двое: Иван Галактио-

нович и Коля. Они-то, собственно, и были настоящие строители, а мы только подсобная рабочая сила.

Наконец деревянный остов вольеры был готов. Но в это время начался прилив, вода стала заполнять заливчик, пришлось обшивку вольеры проволочной сеткой отложить до следующего дня.

Очень довольные тем, что до прилива успели сделать всю основную работу, мы вернулись домой. Пообедали, и каждый занялся своей повседневной работой.

Мы с Колей отправились на соседний остров осматривать гагачьи и чайчьи гнезда.

Проплывая мимо небольшой луды, я заметил, что среди торчащих из воды серых камней копошились, двигались какие-то черные точки. Я указал на них Коле. Он взглянул в бинокль и сейчас же передал его мне.

— Поглядите-ка.

Я навел бинокль на движущиеся точки — это были крошечные, вероятно только еще недавно вылупившиеся гагачата, целый выводок, штук пять. Тут же возле них плавала их мать, большая серая гага. Я ее сразу и не разглядел, так как она держалась возле камней и была почти незаметна на их сером фоне. Зато черных подвижных гагачат заметить было вовсе нетрудно. Они так и носились по воде взад и вперед и, кажется, что-то склевывали с затопленных камней.

— Вот вам и первый гагачий выводок, — весело сказал Коля. — Теперь, значит, не сегодня — завтра и у нас в инкубаторе начнут вылупляться.

— Давайте подплывем поближе, посмотрим на них, — попросил я.

Но едва мы приблизились настолько, что гагачат можно было хорошо разглядеть простым глазом, как мать-гага уже забеспокоилась. Она насторожилась, высоко подняла голову, потом быстро поплыла вдоль берега меж камней, уводя за собой весь выводок.

Мы нажали на весла и поплыли наперерез. Гага сейчас же взлетела, но, отлетев метров сто, вновь опустилась на море. Гагачата удирали от нас вплавь. Они плыли, как-то пригнувшись к воде и вытянув вперед свои длинные шеи. Стараясь грести быстрее, я нечаянно стукнул веслом о борт. В тот же миг все пять гагачат исчезли под водой. Прошло не меньше двух минут, прежде чем они вновь показались на поверхности, уже далеко впереди нас.

Мы остановились и не стали их больше преследовать. Долго еще мелькали среди торчащих из воды серых камней удаляющиеся темные точки. Я глядел на них и думал: «Ведь этим малышам от роду, наверное, не больше трех-четырёх дней, а как здорово они ныряют и с какой ловкостью уже умеют удирать от опасности. Интересно проследить на гагачатах, которые выведутся у нас в инкубаторе, будут ли они такие же осторожные, или нет? Придется ли их приручать, или с самого дня рождения они уже будут ручными?»

Я спросил, как думает об этом Коля.

— Да как вам сказать? Гагачат я никогда не выращивал, а по примеру других птиц думаю, что возни будет немало.

Когда мы вернулись домой, нас ждало огорчение. Наташа сейчас же повела нас к заливчику: в нем, как корабль, плавала наша вольера. Значит, мы недостаточно прочно укрепили сваи, и вода подняла всю постройку.

НАШИ ПИТОМЦЫ

Рая разбудила всех в полночь.

— Скорей, скорей идемте ко мне. Да не копайтесь же вы так долго! — торопила она, пока мы наскоро одевались.

Мы поспешили в инкубаторий. Рая торжественно открыла дверцу инкубатора и выдвинула лоток, на котором в строгом порядке лежали крупные белые яйца. Среди них копошился темный пушистый комочек.

Рая бережно взяла его в руки и показала нам. Это был только что вылупившийся гагачонок. Мы радостно приветствовали появление на свет первого нашего питомца.

Гагачонок был совсем такой же, как и обычные домашние утята, только весь теменький, почти черный. Он был еще очень слаб, и Рая осторожно пересадила его в сушильное отделение.

Из инкубатория мы отправились к заливчику. Было время отлива. Мы вновь перетащили, устали на прежнее место деревянный остов вольеры. Потом забили поглубже в дно сваи и обтянули вольеру проволоочной сеткой. На нижний край сетки мы навалили камней. Теперь вода уже не поднимет кверху наше сооружение. Вольера была вполне готова, оставалось только ждать прихода в нее новых квартирантов.

К вечеру вывелось еще шесть гагачат. Всех их тоже посадили в сушильный шкафчик. Там теперь собралась целая компания. Утята пищали и поднимали головки. Те, что просидели в шкафу три-четыре часа, уже немного окрепли, они пробовали вставать на лапки и хватать своими широкими, как лопаточки, носиками ближайших соседей.

Гагачата хватали клювами все, что им попадалось на глаза. Вот один ухватил другого за бок и старается выдернуть пух, а тот норовит ухватить соседа прямо за клювик. Потешные малыши! Им еще предстоит выучиться различать, что можно есть, а что для этой цели вовсе не годится.

Хорошо, что мы успели сделать вольеру. Гагачата выводились в инкубаторе один за другим. Мы не успевали пересаживать их в сушильный шкаф.

В углу за печкой мы сделали загородку и туда перенесли вчерашних гагачат. Они уже прекрасно бегали. Только ели еще очень плохо. Мы накрошили им на лист бумаги вареных яиц, каши, но гагачата до всего этого почти не дотронулись. Зато попрежнему они очень усердно общипывали друг друга. Мне привелось наблюдать любопытную сценку: на одного из гагачат сел комар, другой гагачонок это заметил, нацелился, цоп! — и поймал комара. Тогда мы сейчас же сбегали на берег, наловили под камнями бокоплавов и высыпали на лист бумаги вместе с кашей.

Бокорлавы шевелились, ползали по бумаге. Гагачата начали ловко их хватать, а заодно ели и кашу с яйцами.

— Давайте выпустим их покупаться, — предложил Коля.

Мы собрали гагачат в корзину, отнесли и посадили на бережок залива. Гагачата начали разгуливать между камешками, пощипывали траву и с азартом гонялись за комарами. Но в воду итти, повидимому, не собирались.

— Вот что значит без матери, — огорченно вздохнула Рая, — некому им и показать.

Мы решили гагачат не загонять насильно в воду, а подождать, пока они сами туда заберутся. Неужели вековой инстинкт не подскажет им? Ведь море — это их родная стихия. Но Наташе не терпелось. Она решила заменить утятам их мать. Надев резиновые сапоги, она залезла по колено в воду и начала звать гагачат:

— Кру-кру-кру!..

— Почему ты так зовешь? Ведь гага совсем иначе кричит, — спросил Коля.

— Я по-гагачьему не умею, я лучше по-своему, — засмеялась Наташа, — они и так ко мне обязательно придут. — И она опять начала манить: — Кру-кру-кру!

Вдруг, к нашему удивлению, один гагачонок как будто и вправду пошел на зов. Ковыляя между камешками, он подбежал к самой воде и остановился в нерешительности. Наташа торжествовала.

— Кру-кру-кру! — звала она. — Ну, иди, глупенький! Кру-кру-кру!

Утенок опустил в воду носик, напился и, повернувшись, заковылял обратно к своим.

— Наташа, вылезай на берег, а то ты их только пугаешь, — сказала Рая.

Но Наташа не сдавалась:

— Нет, подождите еще немного, они ко мне придут.

Продолжая звать гагачат, она начала легонько шлепать ладонью по воде. Утята повернули головки, прислушались, и вот два, самые бойкие, направились к Наташе. Они подошли к воде, тоже напильсь, потом повернули друг к другу носики, будто советуясь, стоит лезть или не стоит, и вдруг оба разом спрыгнули в воду и поплыли.

Тут уж от восторга Наташа забыла все на свете: наверное, решила, что она и вправду настоящая гага. Она наклонилась навстречу плывущим гагачатам и присела прямо в воду.

— Что ты делаешь? — охнул Коля. — Вымокнешь. Холодно ведь!

— Ничего, ничего, — говорила Наташа, — вы только поглядите, как они меня знают.

За первыми двумя гагачатами постепенно вошли в воду и все остальные. Они весело плавали вокруг Наташи, что-то хватали с поверхности воды, только нырять никак не хотели. Напрасно Наташа опускала перед ними в воду руки, ничего не помогало.

— Да ты окунись совсем, — засмеялась Рая, — тогда и они за тобой нырнут.

— А что, если попробовать? — задорно отозвалась Наташа.

— Этого только нехватает! — рассердился Коля.

— Я один разок, чтобы им показать.

— Нет, уж извини! И вообще вылезай, а то и так вся вымокла.

Несмотря на Наташины протесты, он полез в воду и вытащил ее на берег. И вдруг все гагачата один за другим, гуськом тоже поспешно стали вылезать на бережок и, путаясь в траве и камнях, побежали к Наташе. Действительно, они как будто признали ее своей приемной матерью.

— Наташа, что же это значит? — возмутилась Рая. — Я их высидела, а ты у меня отбиваешь!

— А я их плавать выучила, — отвечала Наташа. — Это ведь поважнее. Знаешь, высидеть утят и курица сможет, а вот плавать...

— Ну, теперь и плавай с ними до осени.

Мы посадили гагачат обратно в корзину и отнесли в инкубаторий за печку. Для первого раза купаться им было довольно, теперь они должны были обсохнуть и согреться.

На воле они забрались бы на бережке под гагу, а тут живую гагу им заменяла большая бутылка с горячей водой, завернутая в мягкую шерстяную тряпку. Гагачата прижались к бутылке и затихли, заснули.

Первый урок купанья был закончен.

Гагачата, выведенные в инкубаторе, вовсе не боялись людей. Наоборот, они даже бегали за нами следом. А если бывало сядешь на землю, гагачата сейчас же соберутся кругом, влезут на колени и вперегонки ловят с рук, с одежды насекомых, комаров. Значит, боязнь человека у диких гагачат вовсе не прирожденное свойство. Вероятно, они выучиваются этому у матери-гаги.

Наши гагачата отлично усвоили призывный клич «кру-кру» и сейчас же бежали на зов.

Теперь мы выпускали более взрослых не только в вольеру, а прямо в заливчик. Целые дни они то плавали табунком, то грелись на солнышке, сидя среди прибрежных камней.

Подростки гагачата совсем не хотели есть ни яиц, ни каши, ни хлеба. Плавая по заливчику, они питались разными мелкими водными животными. Но вот что нас очень удивляло и огорчало: все наши питомцы совсем не умели нырять. Обычно они кормились у самого берега. Когда гагачата полоскались в воде, некоторые при этом пытались нырнуть, но тотчас же вновь появлялись на поверхности. Совсем так, как ныряют маленькие ребятки: голова под водой, а ноги наружу.

«ДИКАРИ»

Как-то раз Иван Галактионович пошел на отмель рыть червей и прибежал обратно запыхавшись. Он заметил почти у самого дома целый выводок диких гагачат без матки. Мы решили попробовать поймать гагачат и подпустить к нашим.

Иван Галактионович, Коля и я сели в ботник и отправились на охоту. Действительно, тут же за мысом плавали возле берега четыре диких утенка, примерно такого же возраста, как и наши, дней семи-восьми.

Пока мы подъезжали, гагачата как будто не обращали на нас никакого внимания. Они полоскались у берега, кормились в зарослях туры. Это доказывало, что, по крайней мере в раннем возрасте,

птенцы сами по себе не очень пугливы. Но как только мы подплыли совсем близко и попробовали ловить руками утят, тут уж они почувяли опасность и пустились наутек.

Поймать их оказалось чрезвычайно трудно, хотя берег был открытый и спрятаться им было негде. Но едва мы нагоняли плывущего утенка и собирались его схватить, он мигом исчезал под водой, потом появлялся метрах в десяти и вновь удирал.

Наконец нам удалось загнать гагачат в маленький заливчик и отрезать им путь к морю. Мы погнали их на берег. И все-таки один из них ухитрился-таки нырнуть прямо под лодку и уплыл в море. Зато трех других мы оттеснили к берегу. Они выскочили из воды и попрятались.

Не так-то легко было отыскать их на берегу. Гагачата лежали неподвижно, затаившись среди камней и травы. Все же мы поймали малышей, принесли домой и посадили к нашим.

Хотя дикие гагачата были такой же величины и окраски, как и наши, но их сразу можно было отличить: они были более подвижные, юркие и какие-то подбористые. Даже пух на них лежал иначе, будто приглаженный.

Дикие гагачата просидели вместе с нашими несколько часов в углу за печкой. Они, видимо, совсем успокоились и не удирали, когда кто-нибудь к ним подходил. Даже наоборот, вслед за нашими утятами сами бежали навстречу.

На следующий день мы решили рискнуть выпустить «дикарей» вместе со всеми гагачатами в заливчик.

— Ну как, удерут или нет? — спросил, улыбаясь, Коля, открывая дверь инкубатория и выпуская весь выводок гагачат.

Утята один за другим побежали знакомой дорожкой к воде. Сплошная масса темных пушистых комочков покатила вниз, под горку, к заливчику. В этой массе сразу же затерялись наши новые питомцы. Все утята бросились в воду и табуном поплыли вдоль берега.

Мы смотрели, затаив дыхание: что-то будет дальше?

Вот из общей массы выделяются три утенка и плывут прочь от берега, к середине заливчика.

— Нет, не хотят вместе держаться, — вздохнул Коля, — сейчас уйдут в море.

Но тут некоторые из наших гагачат тоже отделились от остальных и поплыли за дикарями. Посреди заливчика образовалась целая стайка. Дикие гагачата начали нырять, очевидно доставая со дна корм. Мы с любопытством наблюдали за ними. Они ныряли совсем не так, как наши — неуклюже перевертываясь кверху ногами. Дикарь гагачонок вытянет шею, весь подберется, подпрыгнет и юркнет в воду. Под водой, разыскивая корм, дикари держались минуты по две. Мы невольно любовались ловкостью и быстротой их движений.

Вдруг один из наших утят тоже как-то подобрался, подпрыгнул и исчез под водой. За ним другой, третий. Вот так раз! А ведь раньше они этого вовсе не делали. Совершенно очевидно, что наши гагачата переняли этот способ нырять у дикарей. А у кого же учились те? Наверное, у матери.

К вечеру все наши гагачата ныряли так же, как и дикие, и кормились уже не у берега, а по всему заливчику. Даже держаться они стали как-то иначе — более подбористо, стройно. Но все же им было далеко до своих диких собратьев. Пух у наших гагачат был более рыхлый, пушистый, он скоро намокал, и тогда гагачата выбирались на бережок и сушились на солнышке. А дикие утята целый день держались в воде и, казалось, совсем не чувствовали никакой потребности выйти на берег.

Наступил вечер. Нужно было гагачат загнать домой за печку. Как же быть с дикарями? Неужели опять выгонять на берег и ловить?

Прибежала Наташа.
— Подождите, подождите, дайте-ка я позову. Кру-кру-кру! — закричала она.

Сейчас же весь табунок поплыл к берегу. Только три диких

утенка продолжали плавать посредине заливчика. Наши гагачата один за другим начали вылезать на берег. Вдруг один из дикарей поднял головку, огляделся и, кажется, впервые заметил, что заливчик опустел. Он беспокойно заметался по воде, как бы разыскивая выводок, увидел вылезавших на берег утят и припустился за ними. Следом бросились к берегу и два других гагачонка. Так вместе с нашими и дикари добрались до самого инкубатория. У дверей произошла маленькая заминка: три дикаря сперва не хотели входить в дом, но и тут чувство стайности взяло верх, и, потоптавшись немного у дверей, они робко последовали за всем выводком.

Эти первые наблюдения диких и домашних гагачат дали нам очень много интересного. Они показали, какое огромное влияние в природе имеют подражание и инстинкт стайности.

На следующий день дикие гагачата еще более освоились и уже вместе с нашими плыли к берегу, когда им кричали «кру-кру». Мы за них успокоились и занялись другими делами.

На третий день, когда мы собрались обедать, в комнату вдруг вбежала Рая.

— Скорей, скорей, — закричала она, — гагачата уплывают!

Мы выскочили на берег. Заливчик был пуст, а далеко в море виднелась плывущая гага. Следом за нею по воде двигалась целая масса черных точек. Значит, в наш заливчик прилетела дикая гага, может быть даже мать тех самых трех гагачат, и увела своих, а заодно и всех наших.

В один миг мы с Колей сели в лодку и пустились в погоню. Море было совсем тихое. Гага с гагачатами плыла очень быстро, направляясь к соседним островам. Но мы нажали на весла и скоро начали нагонять беглецов.

Вот они уже близко. Гага, видно, попалась чадолюбивая, она никак не хотела улетать и бросать такое большое семейство. Она хлопала крыльями по воде, звала детей и плыла все скорее и скорее. А малыши, как пушистые шарики, словно катились за нею по гладкой блестящей воде.

Мы с Колей начали выбиваться из сил и отставать. Состязание, казалось, было проиграно. Наконец я почувствовал, что грести больше не могу. Я бросил весла и, прощаясь с гагачатами, с отчаянием закричал:

— Прощайте, кру-кру-кру!

И тут вдруг среди гагачат произошло какое-то смятение: они сбились в кучку и приостановились.

— Кру-кру-кру! — закричали мы оба.

Гага, увидев замешательство выводка, тоже остановилась. Она повернулась к детям и, хлопая по воде крыльями, кричала,

звала за собою. Так состязались мы с дикой птицей, маня к себе утят.

Гагачата толпились в нерешительности: куда же плыть? Наконец некоторые повернули и поплыли в нашу сторону, а за ними последовал и весь выводок. Только три диких гагачонка остались возле утки.

Напрасно гага кричала и металась по воде, стараясь привлечь к себе утят. Для тех, кто родился среди людей, в инкубаторе, кто жил в углу за печкой, для тех зов «кру-кру» оказался более знакомым и близким, чем призывный крик дикой птицы. Привычка оказалась сильнее инстинкта.

ЗА ГАГУНАМИ

С гагачатами возились в основном Рая и Наташа. Коля принялся организовывать биологическую лабораторию, а мы с Иваном Галактионовичем занялись сбором материалов для музея. В первую очередь нужно было поскорее убить на чучела несколько гагунов, а то они уже начали сбиваться в стаи, держались вдали от берегов, а скоро и совсем бы ушли менять перо в открытое море.

Конечно, было бы легче всего отстрелять гагунов в заповеднике, но мы не хотели выстрелами пугать здесь птицу. Пусть у нас в заповеднике она чувствует себя в полной безопасности и совсем не боится человека. Поэтому мы с Иваном Галактионовичем решили отправиться за гагунами и другими птицами километров за пятнадцать, на незаповедные острова.

Набили патроны, взяли с собой еду, поставили парус и с попутным ветром тронулись в путь.

После хлопот с вольерой, инкубатором, гагачатами, когда буквально некогда было вздохнуть, теперь, сидя в ботнике, я с осо-

банным удовольствием вновь почувствовал суровую красоту моря и диких скалистых островов.

Быстро бежит ботник. Над головой упруго надувается ветром четырехугольный холщевый парус. Ветер брызжет в лицо водяной соленой пылью, мимо проплывает берег — огромные серые камни с сидящими на них, как старики удильщики, длинноносыми куликами. Море играет, все в солнце, в ветре, лижет борты лодки голубым пламенем ленивой волны. В воздухе кружатся, кричат чайки. И даже их крики не нарушают этот первобытный покой природы.

— Вот так бы и плыть и плыть, — говорит Иван Галактионович.

— Да-а, хорошо, — нехотя отвечаю я, и мы снова молчим и смотрим на плещущий в солнце морской простор, на синее безоблачное небо. Порою в нем, будто далекий парус, мелькнет белое крыло пролетающей чайки и исчезнет за зеленым лесистым островом.

Этот остров и был конечной целью нашего пути. Он не считался заповедным, поэтому здесь мы и собирались поохотиться.

Невдалеке от острова в море темнели небольшие луды. На таких лудах обычно и любят отдыхать гагуны. Я внимательно вгляделся. Возле одной из луд на воде что-то белело. Я посмотрел в бинокль: вот они, гагуны.

Мы опустили парус и на веслах направились к стайке.

Удастся ли подобраться? Я уже испытывал охотничье волнение. Удивительное дело, все время видел в заповеднике и гаг и гагунов, но смотрел на них просто как на домашнюю птицу. В голову даже никогда не приходило, что это дичь. А вот теперь, подбираясь к ним с ружьем, сразу почувствовал, как от волнения задрожали руки.

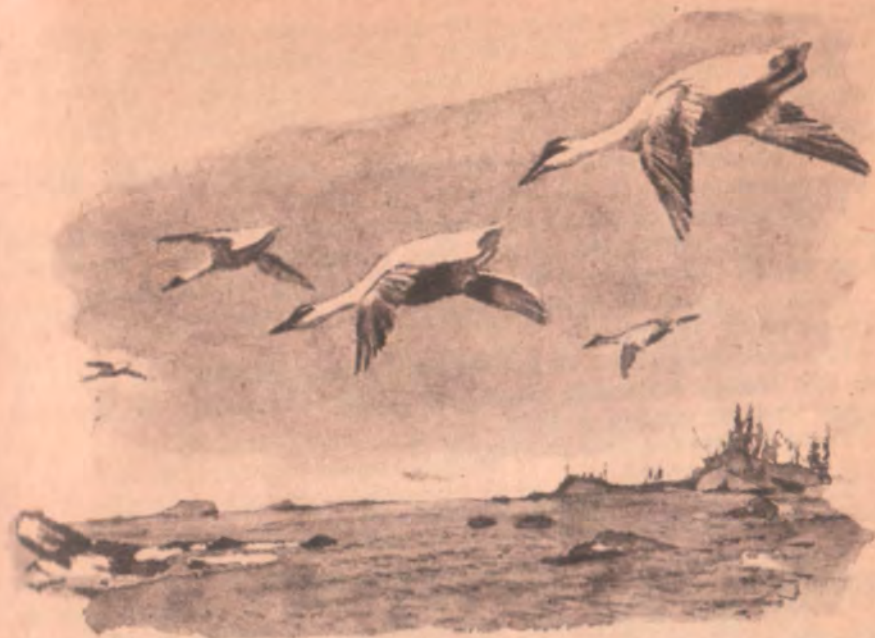
Луда, возле которой плавали гагуны, все ближе и ближе. Я уже простым глазом хорошо видел больших белых птиц с темными головами. Греб теперь один Иван Галактионович. Я держал ружье наготове.

До ближайшего гагуна оставалось не более ста шагов, еще немного, и можно стрелять. Но в это время он взлетел, за ним другой — и вся стайка, хлопая крыльями, поднялась с воды и полетела низко над морем к соседней луде.

— Эх, учуяли! — воскликнул с досадой Иван Галактионович. — Еще бы чуточку — и наши...

Мы опять взялись за весла, поплыли к той луде, где уселись гагуны, но с тем же результатом. Не подпустив нас шагов на сто, птицы перелетели на прежнюю луду.

— Стой, Лексенч, мы с тобой их перехитрим, — весело сказал

Иван Галактионович. — Вылезай из лодки, садись за камень, а я их оттуда турну.

Я вылез на луду и спрятался за огромный серый камень. Иван Галактионович быстро отплыл. Вот его лодочка уже далеко покачивается на волнах. Он плыл не прямо к соседней луде, а немного объезжал ее, чтобы пугнуть гагунов на меня. Лодка скрылась за лудой.

Я устроился поудобнее. Ружье с взведенными курками наготове.

Вдруг из-за луды показались белые точки. Быстро увеличиваясь, они неслись над морем прямо ко мне. Гагуны! Только бы не заметили, не свернули в сторону!

Я прижался к каменной глыбе. Стрелять или нет? Камни мешают целиться. Я выскочил из-за них. Вся стая с шумом свернула в сторону.

Выстрел — мимо, второй — и один из гагунов, опустив крылья, косо падает в воду. Всплеск воды — и на поверхности ничего нет, будто камень бросили. Нырнул. Сейчас вынырнет.

В один миг я перезарядил ружье, но гагуна нигде не было. Куда

же он девался? Ведь возле луды в воде даже травы нет, негде и спрятаться. Вдруг шагов за двести в море показалось что-то белое. Поглядел в бинокль — гагун. Низко пригнув голову и почти весь погрузившись в воду, он быстро уходил в море. Он то исчезал под водой, то опять показывался.

Что же мне делать? Я начал кричать, звать на помощь Ивана Галактионовича с лодкой. Куда же он делся?

Неожиданно над самой головой послышался свист крыльев. Мимо меня пронеслись два гагуна. Не целясь, я выстрелил им вслед. Один будто споткнулся в воздухе, упал в воду и тоже исчез.

«Опять ушел!» В полном отчаянии, с разряженным ружьем я опустил на камень.

Вдалеке показалась лодка Ивана Галактионовича. Он плыл ко мне. Но теперь все равно было уже поздно. Наверное, оба раненых гагуна уплыли далеко в море.

Иван Галактионович подъехал.

— Ну что, убил?

— Ты-то куда с лодкой пропал?

— Да я там караулил, думал, от тебя обратно полетят.

Я сел в лодку, и мы поплыли наудачу в море, в ту сторону, куда ушел первый гагун. Отплыли метров четыреста, нигде не видно.

— Подожди, а это кто там плавает? — спросил Иван Галактионович.

Я посмотрел в бинокль.

— Нет, это чайка.

— А там?

— Тоже чайка.

Отплыв еще метров сто, мы повернули обратно к луде. И вдруг прямо перед лодкой, в каких-нибудь двадцати шагах я заметил: на воде что-то белеется.

— Должно быть, щепка, — сказал Иван Галактионович.

Мы подплыли ближе. Я боялся поверить глазам — не кажется ли?

— Гагун, он и есть! — радостно воскликнул Иван Галактионович.

Впереди нас на волнах покачивался мертвый гагун. Он почти весь был в воде, только спинка виднелась. Еще взмах весел — и я с торжеством вытащил из воды дорогую добычу.

Первый раз в жизни держал я в руках гагуна. До чего красив! Недаром про него говорится, что в его наряде отражаются все краски Севера — белизна снегов тундры, густая чернота прибрежных скал, зеленоватый цвет льда и розовато-желтый отблеск зари.

Иван Галактионович тоже был очень доволен.

— Ну, Лексеич, молодец, не подкачал! Мы сейчас и второго разыщем. Куда он отправился?

Но этого я и сам не знал. Ведь он сразу нырнул и исчез. Вероятнее всего, вынырнул где-нибудь очень далеко.

Мы возвратились на луду и долго осматривали в бинокль поверхность моря. Нигде не видать.

— Вот что, Лексеич, — серьезно сказал Иван Галактионович, — может, он никуда отсюда и не уплыл, а под водой и остался.

— То есть, как под водой? — не понял я. — Должен же он когда-нибудь вынырнуть.

— Должен, да не всегда, — ответил Иван Галактионович. — Едем-ка лучше на остров, а то вода ишь как убывает, лодка обсохнет, и сиди тут полдня на луде.

Мы сели в ботник и поплыли к острову.

— Иван Галактионович, как же ты говорил, что гагун может под водой остаться? — опять спросил я.

— А очень просто, — ответил Иван Галактионович, — нырнул, да в рыбу и обратился или в тюленя, вот и плавает теперь под нами.

Поняв, что Иван Галактионович шутит, я начал осматривать в бинокль берег острова — может, раненый гагун туда как-нибудь пробрался. Ничего не видно. Значит, удрал. Жаль. Ну, один все-таки ведь есть.

Мы снова высадились на берег. Перед нами была полянка, а дальше мелкая березовая поросль.

— Сейчас наберем сушняка, костер разложим, чаек вскипятим, — сказал Иван Галактионович.

— А где же воды взять?

— Воды здесь хоть отбавляй — ключи, вода чистая, хорошая.

Мы пошли в березовую поросль за сушняком для костра.

Только вошли, как затрещит что-то в кустах — тетерев, один, другой, третий, так и взлетают из-под ног. Мы бросились к лодке за ружьями, да уж поздно, все разлетелись. Делать нечего, пришлось, набрав сухого валежника, возвращаться на берег.

Иван Галактионович принес в котелке отличной ключевой воды. Мы вскипятили чай и уселись на берегу закусывать.

— Эх, Лексеич, хорошо здесь летом! И день и ночь светло, море играет, птица кричит — благодать, — сказал Иван Галактионович, прихлебывая из кружки горячий чай. — Зато уж зимой — не приведи бог! Мороз, темнота, почитай, круглые сутки. Какие-нибудь три-четыре часа посветлеет малость, и опять ночь и ночь, только сполохи играют.

— А красивые эти сполохи?

— Ничего себе, красиво: то вроде как зарево по небу пойдет, то будто костер, а то цветными огнями заиграет.

— И долго они бывают?

— А когда как: то посветит и погаснет, а то иной раз и играют и играют всю ночь.

— Ну вот, а ты говоришь, зимой плохо, темно...

— Да-а, сполохи... А вот как закрутит погодушка, как завернет — мороз, снег, пурга; ну, беда, да и только. Нет, Лексеч, плохо у нас зимой. Что и говорить, атмосфера совсем неважная.

— Что же ты всю зиму-то делаешь? Море замерзло, гаг нет. Скучно, наверно.

— А зачем скучать? — удивился Иван Галактионович. — Зимой я зверя добываю. Это мое исконное ремесло. До берега рукой подать, а там ведь леса не заповедные, охотиться, сколько хочешь. Зимой у нас в заповеднике сторожить нечего. Это тебе не лето, когда день и ночь глаз нужен, чтобы кто на острова не забрался, гагачий пух и яйца не потаскал. Зимой у нас совсем тихо. Летом уж со временем не считаешься, сторожим круглые сутки с женой по очереди. Зато зимой отпрошусь у директора дня на два-три, жена заповедник сторожит, а я заберу ружье, капканы — и в лес.

— А ночуешь где?

— Как где? В лесу и ночую у костра. Нарублю сосновых веток, настелю — вот тебе и перина. Лежи-полеживай!

— Какого же зверя добываешь?

— Ну, насчет зверя здесь обижаться не приходится. Зверь всякий имеется — белка, куница, медведь... В прошлом году убил рябчика, положил в капкан и поставил его на куницу, а чтобы не утащила, на цепочку к здоровому чурбану привязал. Наутро прихожу — ни капкана, ни чурбана, только след по снегу, как чурбан волочили, прямо в чащу. Я туда. Стал подходить, гляжу — в сосянке как заметалось что-то здоровое, серое! Гляжу — рысь. Я ружье скинул и добил. Здоровенная, еле доволоч до дому. А то года три тому назад прямо на медвежью берлогу наскочил, чуть не провалился. Снежком ее запорошило — и незаметно. Стал я на сугроб взбираться, смотрю, что это желтеется под снегом, а это берлога. От медведя теплый дух идет кверху, вот снег над ним и подтаивает и темнеет, как в оттепель весной. Я — назад. Отошел шагов пять и думаю: что делать? Один я, и ружье плохонькое, а упускать такой случай тоже нескладно. Ну, думаю, была не была. Зарядил ружье пулей, потом вырубил березочку подлиннее, подошел опять к берлоге и стал туда березой тыкать. Как он заревел! Я березку бросил, ружье наизготовку, жду. Гляжу — из-под снега голова показалась. Батюшки мои, что копыта! Тут уж ожидать

ничего, прицелился между глаз, хлоп, он назад в берлогу и завалился. Убить-то убил, а дальше никак не справлюсь — в нем пудов пятнадцать, не меньше. Разве вытащишь один из берлоги? Так и пришлось самому туда лезть, расчищать кругом снег да прямо в берлоге и обдирать и тушу на части разделявать. Хорошо еще, погода теплая была, а то бы и не справился. Потом уж по частям мясо домой перетащил, а шкуру директору на память отдал. Она и сейчас у него. Вот так, Лексеич, и живем всю зиму. Сами вроде как медведи. Застанет иной раз ненастье, выроешь себе берлогу в снегу и сидишь, покуда не стихнет.

Он подбросил сушняка в костер и задумался, глядя вдаль.

Я тоже глядел на спокойную, будто вылитую из голубого стекла поверхность моря, на луды, на дальние зеленые острова, дышал запахом моря и никак не мог представить себе этот сверкающий, солнечный простор погруженным в тьму ночи, в снега, в метель.

— Зато уж весна у нас так весна! — перебил мои мысли Иван Галактионович. — Знаешь, Лексеич, вот на исходе марта начнет

день прибывать, ну, уж тут только держись. Снег еще кругом, бело все, а солнце как поутру встанет, так и калит весь день, так и калит. Свет такой — не знаешь, куда и глядеть. На небо не взглянешь, и на землю тоже. Весь снег будто в огне полыхает. А потом море начнет вскрываться, птица полетит — что тут крику, что радости, и не расскажешь. Чайки орут, гагары стонут, гагуны гавкают, за гагами по разводьям промеж льдин носятся. Вот когда к нам, Лексеич, приезжай. Весна — это самое ликование, все равно что праздник. На тока тебя свожу. У нас глухари, как воронье, по деревьям рассядутся. Приезжай обязательно по весне.

— Иван Галактионович, а ты сам-то как сюда попал? Ведь ты говорил, что не здешний, владимирский?

— Ну и что же? Сперва под Владимиром в деревне жил. В кухне работал. Коваль я по специальности да, окромя того, охотник тоже, с самых малых лет, значит. И отец мой тоже был охотник, и дед тоже — все мы лосятники, медвежатники. А охотишка-то у нас под Владимиром стала неважная, вот я и начал думать, куда бы податься, где попривольнее. Один из наших деревенских на рыбачьих промыслах здесь работал. Приехал он как-то к нам в деревню на побывку и рассказал о здешних местах. Я, значит, недолго думая, собрался и тоже сюда.

— А семья как же?

— Да какая у меня семья? Одна баба была. Ее покамест дома с родными оставил. Приехал сюда, сперва тоже в рыбаки на судно поступил. Жизнь, что и говорить, хорошая: и пища и заработок богатые.

— Почему же ты оттуда ушел?

— Почему ушел-то? Да вот соскучился, тоска меня взяла. Я человек лесной, в лесу родился. А тут плаваешь-плаваешь, и все море кругом да море... Вот и перешел в заповедник работать, чтобы опять к лесу поближе. И жену выписал. Так и живем, как медведи в берлоге.

— Что ж, доволен теперь?

— А то как же? Конечно, доволен. Жена иной раз начнет ворчать: денег мало, заработка нету, а я ей говорю: «Ну на что тебе деньги? Что ты с ними в лесу-то делать будешь? А ты гляди, какая благодать кругом, что птицы всякой, рыбы, гриба, что ягоды!.. Кушай сколько захочешь. А ты — деньги...» Да разве с бабой сговоришься? — Он махнул рукой.

Мы позавтракали, взяли ружья и разошлись по лесу. Иван Галактионович пошел с одной стороны мелколесья, я — с другой.

Я шел среди молодой поросли по мягкому мху и думал об Иване Галактионовиче. Вот ведь кто по-настоящему, бескорыстно лю-

бит природу! Бросил дом, семью, уехал на край света, и только из-за того, что дома охота стала неважная. А потом и вовсе перешел с промыслового судна, с большого заработка, в сторожа заповедника, и опять-таки только для того, чтобы быть поближе к лесу, к родной природе. И ведь доволен же человек, доволен по-настоящему.

Я так задумался, что чуть не выронил ружье, когда из-под ног с треском вырвался иссиня-черный косяк. Он полетел через поляну. Я выстрелил. Тетерев тяжело шлепнулся на землю.

Я положил его в заплечный мешок и пошел дальше.

Часа через два я вышел на берег к лодке. Иван Галактионович уже сидел у разведенного костра и курил трубочку.

Была самая середина отлива: вода далеко ушла от берега, и там места, где я стрелял гагунов, соединилась с нашим островом, только местами остались широкие плесы воды.

— Ну-ка, Лексеич, глянь-ка в бинокль, что там белеет, — сказал Иван Галактионович, указывая на обсохшую часть моря, по направлению к луде.

Я посмотрел в бинокль и чуть не вскрикнул от радостного изумления: среди обнажившихся теперь подводных зарослей ясно виднелся лежащий гагун.

Мы взяли по большому колу и, опираясь на них и перепрыгивая с камня на камень, направились к нему. Я все-таки не сумел благополучно добраться и, сорвавшись с камня, шлепнулся в холодную жидкую грязь. Но что все эти невзгоды перед нашей удачей!

Наконец я добрался до гагуна. Он был мертв, лежал на зарослях туры, крепко ухватившись клювом за подводный стебель.

— Я ж тебе говорил, что он под водой остался, а ты не захотел поверить, — весело сказал Иван Галактионович. — У меня, брат, часто так бывало: ранишь, а он нырнет, схватится у дна за туру да так там и сдохнет. А как вода отольет, он, голубчик, тут и окажется.

Поездка была удачная: мы настреляли для коллекции много птиц, плыть с попутной водой было легко и день выдался чудесный. Когда мы плыли вдоль острова, прямо на нас налетела пара уток, и я убил красного селезня с длинной косяцей на хвосте.

Нас еще издали заметили из дома, и все вышли встречать.

— Гляди, Лексенч, сам директор из Кандалакши приехал, тоже нас встречает.

Я был очень доволен, что и Алексей Михайлович тоже увидит наши трофеи. Подплывая к берегу, я высоко поднял убитых красавцев гагунов.

Лодка подчалила. Я выпрыгнул на берег, взглянул на наших и сразу почувствовал что-то недоброе.

— Что-нибудь случилось? — спросил я.

— Серьезное дело, — ответил Алексей Михайлович. — Война.

Я остановился как вкопанный.

— Как война? С кем?

— С Германией. Сегодня немецкие войска без всяких предупреждений вторглись в нашу страну.

ТРЕВОЖНОЕ ВРЕМЯ

В первые дни войны вражеские самолеты бомбили Кандалакшу. Со своего острова мы видели, как над Кандалакшей внезапно распускались, будто головки одуванчиков, округлые пушистые дымки разрывов и тут же разлетались, таяли в лучистой синеве дня. Это стреляли по самолетам наши зенитки. Далекий гром орудийных выстрелов гулко прокатывался над морем и замирал где-то на берегу, в лесных горных увалах. Настали тревожные дни.

Иван Галактионович плывал как-то в Кандалакшу на ботнике за почтой и хлебом и привез оттуда тревожные новости. В Кандалакше поговаривали, что будто где-то поблизости, на островах, высадился парашютный десант противника. Из города началась эвакуация женщин и детей.

Так, в тревоге, в неизвестности, проходили дни и недели.

Мы продолжали работать, вели опыты, наблюдения, записи, но у всех было очень беспокойно на душе. Невольно все мысли рвались к Большой земле: что-то делается там, за далеким лесистым горизонтом, куда теперь каждый вечер начало опускаться солнце.

Кончалось короткое северное лето. Приближалась осень. Ночи еще не наступили, но уже темнело по вечерам, и в зеленоватом небе тонкий, прозрачный, как льдинка, светлел молодой месяц. Приливы заметно усилились. Теперь вода подходила почти к самому дому. По вечерам в полусвете гаснущей зари мы смотрели на подступающие волны, они плескались у самых окон. Казалось, вот-вот море хлынет, зальет наш дом и весь остров.

В эти дни наш маленький коллектив как-то особенно сдружился. После работы обычно все собирались вместе и говорили о том, что теперь делается на фронте.

Мы как будто сговорились подбадривать друг друга, часто шутили. Но и за шутками чувствовалась напряженность, ожидание чего-то очень серьезного.

Особенно переменялась Рая. Куда девалась ее беззаботная веселость! Теперь она могла и думать и говорить только о войне. Ее тянуло на фронт медсестрой, связистом, переводчиком — кем угодно, но только туда, где сражаются люди. Да и всем нам, жившим почти рядом с фронтом, было трудно заниматься повседневной работой.

Наташа то с большим рвением принималась за своих рачков,

то оставляла банки и подолгу рассматривала висящую на стене географическую карту.

Даже спокойная, уравновешенная Ирина, и та, видимо, через силу занималась своим гербарием.

Очень тяготило всех нас отсутствие известий с фронта. Невольно казалось, что мы оторваны от всего мира и заброшены на какой-то отдаленный необитаемый остров.

В эти тревожные дни душой нашей семьи оказался Коля. При нем всем становилось спокойнее и даже веселее, хотя сам Коля очень редко шутил и смеялся. Наоборот, он стал сдержаннее, молчаливее. Но в то время как все мы занимались своим делом как-то по инерции, Коля, наоборот, казалось, еще больше ушел в работу.

Один раз мы с Раяй шли по берегу и говорили о том, что теперь, во время войны, вся наша работа в заповеднике кажется такой незначительной.

В заливчике около вольеры мы увидели Колю. Он что-то делал, сидя у самой воды. Мы подошли. Коля сидел, окруженный утками.

— Что вы тут делаете? — спросила Рая.

— Мечу гагачат, — ответил Коля. — Знаете, я придумал новый способ — метить в перепонку лап. Должны же мы знать, какой процент из наших вернется на будущий год весной в заповедник.

Рая пожалала плечами:

— Как вы еще можете теперь об этом думать!

Коля вопросительно взглянул на нее.

— Теперь, когда идет война, гибнут люди! — продолжала Рая.

Коля улыбнулся.

— Ну, а пока вы не на фронте, а в заповеднике, ухаживайте за гагачатами. Ведь гагачий пух тоже для фронта пригодится.

— Знаю я, — ответила Рая, — только в такое время просто нет сил этим заниматься.

— А, по-моему, — уже серьезно ответил Коля, — именно в такое время и нужно получше заниматься своим делом. Сегодня мы изучаем гагу, а завтра, может, придется целое производство наладить. Ведь Северный фронт рядом. Сколько потребуется теплой и легкой одежды... А что лучше гагачьего пуха годится для этого?

Рая ничего не ответила и пошла к себе в инкубаторий.

Настал день, которого мы с такой тревогой ждали. Утром на море со стороны Кандалакши послышался стук мотора. Все выскочили на берег и увидели, что к нашему острову идет моторный бот,

а за ним тянется огромная лодка. Еще издали на борту заметили директора Алексея Михайловича.

— Ну, ребяташки, складывайте пожитки, — сказал он, выходя на берег. — Есть предписание отправить дальше в тыл женщин и детей. А тебе, Галактионич, повестка: завтра в военкомат. — Он хлопнул Ивана Галактионовича по плечу. — Ты у нас здесь первый из первых. Знаю, и там не подкачаешь. Стрелок ты. Снайпером будешь.

Иван Галактионович усмехнулся:

— По медведю не мазал, а уж там-то потрафлю.

— А здесь у вас как дела? — обратился к нам Алексей Михайлович. — Много еще невыведенных яиц в инкубаторе осталось?

— Десятка три, — ответил Коля.

Алексей Михайлович покачал головой:

— Это ведь целое гагачье стадо. Жаль бросать! — Он взглянул на нас с Колей. — Может, останетесь на пару деньков, закончите работу?

Мы, конечно, согласились.

Никогда не забуду этого дня. Иван Галактионович с женой собирали свои пожитки, а мы грузили их в лодку.

Мы таскали узлы, сундучки, корыта, ведра. Ведь в дороге нужно и постирать и помыть ребятишек. Дорога неблизкая. Дети были испуганы. Они, как воробы в непогоду, наохлившись, жались по углам.

Наташа, Ирина и Рая тоже уезжали. Все наиболее ценное оборудование нужно было уложить и отправить с ними в Кандалакшу.

Сборы закончились только к вечеру. Застучал мотор. Наташа отвела Колю в сторону, что-то говорила. Когда они вернулись, глаза у нее были заплаканы. Коля внешне казался спокойным. Он еще раз залез в бот, посмотрел, хорошо ли уложено оборудование.

— Ну, товарищи, — сказал он, вылезая на берег, — все собрали, можете трогаться. Давайте пожелаем, чтобы к весне враг был разбит и мы опять здесь встретились.

Начали прощаться.

Ирина крепко пожалала нам с Колей руки.

— До свиданья, москвичи! Может, еще зимой к вам из Ленинграда приеду, — сказала она мне, — уж тогда покажу, какое я «сено» насушила!

В это время к нам подошла Рая, одетая совсем по-дорожному: в кожаной куртке, с рюкзаком за плечами.

— Ну, Раечка, вот и сбылась ваша мечта, уезжаете, — сказал я. — Теперь на фронт?

— Да, да, обязательно, — быстро ответила она. — Как только доберусь до Ленинграда, сейчас же буду в университете проситься, чтобы направили... — Она помолчала и вдруг добавила: — А знаете, вот уезжаю и заповедник жаль оставлять.

Она обратилась к Алексею Михайловичу:

— Нельзя ли и мне вместе с ними дня на два остаться?

— Вот так так! — удивился Коля. — То все из заповедника рвалась, а теперь остаться...

— Да я ведь только на пару дней.

— Нет, никак нельзя, — ответил Алексей Михайлович.

Я пошел к лодке проститься с Иваном Галактионовичем.

— Ну, Лексеич, не поминай лихом, — сказал он. — Не сердчай, что ругал тебя. Дай-ка мне свой адресок, напишу тебе, и ты пиши. Как вернусь, опять за гагунами поедем.

Мы обнялись. Бот медленно отчалил от берега.

Мы с Колей остались вдвоем на острове.

Долго еще стояли мы на берегу, глядя на уходящий бот, пока он не скрылся за соседним островом. Тогда мы медленно пошли вдоль берега. Не хотелось возвращаться в опустевший дом.

Зашли в инкубаторий, потом заглянули в сторожку Ивана Галактионовича. Посреди комнаты стоял открытый большой сундук, на полу валялись какие-то бумажки, куски газет и пустой альбом для фотографий. Карточки из него были вынуты. На стене ярко выделялось квадратное пятно — здесь висело зеркало или портрет.

Из соседней комнаты тихо вышел большой серый кот. Увидя нас, он сначала собрался удрать, но потом раздумал и, подойдя, начал тереться головой о сапоги.

Над пустой кроватью что-то блесело. Я поглядел — блесна с крючком. На нее Иван Галактионович часто ловил рыбу. Я взял ее и бережно спрятал в карман на память о моем приятеле.

Да, не думал я в эти минуты, что встретиться нам больше не придется. Осенью он был ранен и умер в госпитале.

ОДНИ

Наступило утро. Хмурое, совсем будто осеннее. Накапывал дождь. Непривычно пустым казался наш дом. Мы пересадили в сушильный шкаф вылупившихся гагачат, старших выпустили в заливчик. Больше делать пока было нечего, приходилось ждать, когда вылупится следующая партия. Мы пошли бродить по острову.

Через два-три дня придется его покинуть... Мы прощались с лесом, озером, отмелью, где гнездились чайки. День был тихий и серый. Старые ели и березы печально глядели в застывшую воду озера. По ней уже плавали первые желтые листья.

Мы сели на большой, обросший мхом камень, закурили.

— Да, Георгий Алексеевич, — вздохнул Коля, — тяжело все бросать! — Он огляделся кругом. — Вы и не поверите, сколько здесь сил положено. Ведь сначала пришлось отвоевывать эти острова у рыболовных организаций, доказывать необходимость заповедника. А потом началась борьба с браконьерами, да какая еще борьба! Однажды нас здесь чуть не пристукнули. А жили-то как! Первый год прямо в шалаше, в лесу. Бывало дождь мочит, холод, ветер, сожмешься и сидишь. — Он покачал головой. — И только вот начали налаживать, думали с Наташей тут поселиться, развести гаг... — Коля грустно усмехнулся. — Я даже хотел по гаге монографию написать — на докторскую диссертацию. — Он махнул рукой. — Ну что ж, война так война! Будем драться, а вернемся, опять за свое дело примемся.

— Коля, а почему вам так понравился именно этот край? Мало ли у нас других интересных мест!

Коля улыбнулся.

— Знаете, Георгий Алексеевич, я всю нашу страну изъездил.

Был и на юге, и на Дальнем Востоке... много хороших мест. А вот бывает так, найдешь какое-нибудь местечко — и уж лучше его на всем свете нет. Люблю я наш Север. Вы только поглядите: тут и лес, и море, и гаги; летом солнце день и ночь светит. — Он опустил голову. — Тут, на Севере, мы с Наташей и пожениться решили. — Коля помолчал и вдруг добавил: — Хорошо бы на Северный фронт воевать направили. Знаете, я почему-то уверен, что на Севере ни за что не погибну. В каких только переделках я здесь не был — и браконьеры убить хотели, и в шторм попадал, тонул не раз. Все с рук сходило. Свой край. Немало я для него поработал. А теперь вот защищать пойду.

В эти дни мы с Колей как-то особенно сдружились. Коля рассказывал про свою семью: отец его художник из Палеха, и он тоже сначала собирался быть художником, да и теперь не прочь порисовать, даже холст и краски сюда привез.

Обо многом мы переговорили, ухаживая за гагачатами и бродя по острову.

На третий день утром из Кандалакши приплыл в ботнике посланный с письмом от директора. Из письма мы узнали, что Колю зачислили в роту местной противоздушной обороны, а мне срочно надо было уезжать в Москву.

За эти дни гагачата почти все у нас уже вывелись. Мы пересадили их в две большие корзины, отвезли на соседний остров и

подпустили к плавающим у берега диким выводкам. Наши утята тут же присоединились к ним.

Коля поставил парус, и мы поплыли обратно, с грустью оставляя малышей. Случайно я обернулся к острову.

— Коля, Коля! Смотрите, что делается!

Коля тоже обернулся. За нами следом, растянувшись длинной вереницей, плыли утята. Они старались изо всех сил догнать быстро уходившую лодку. Мы сняли парус, остановились, и весь выводок с радостным писком окружил нас.

Пришлось возвращаться обратно и опять подпускать гагачат к дикарям.

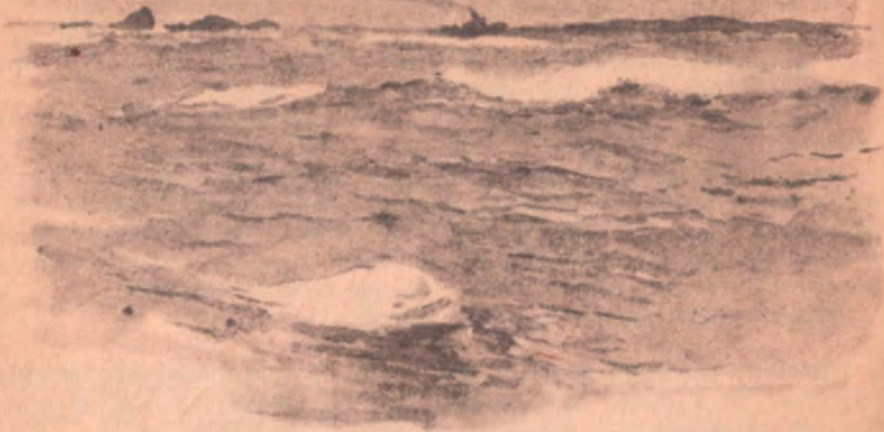
Чтобы обмануть наших утят, мы перетащили лодку через песчаную косу на другую сторону острова. Гагачата, очевидно, решили, что мы тут же, на берегу, и занялись отыскиванием еды в прибрежной растительности. В последний раз мы полюбовались своими питомцами. «Ну, оставайтесь, растите на свободе!»

Мы объехали косу и поплыли домой.

Наши сборы были недолги. Быстро уложили оставшиеся вещи, погрузили их в лодку и тронулись в путь. Инкубатор, как и все тяжелое оборудование, конечно, остался на острове.

Море было спокойное. Мы проплывали мимо знакомых островов. Я невольно вспоминал, как еще совсем недавно мы с Иваном

Галактионовичем бродили по ним, отыскивая гнезда. Наша работа должна была закончиться только поздней осенью, а вот теперь приходилось все бросать. Две толстые тетради, исписанные карандашом, испачканные зеленью и грязью, с прилипшими к страницам обрывками растений и гагачьим пухом, — вот все, что я везу с собой в Москву, итоги моей работы на пустынных островах далекого Севера.

Я в последний раз глядел на море, тихое, с серебристыми проблесками вдали. Одинокие чайки кое-где низко летали, кружились над водой.

Вдруг невдалеке от нас из-под воды показалось что-то огромное, белое, будто вынырнувшая льдина. Показалось и исчезло.

Коля перестал грести.

— Глядите, белуха.

Мы, не двигаясь, глядели на огромного белого зверя, который то исчезал под водой, то вновь показывался, двигаясь прямо к нашей лодке. Белуха нас, очевидно, не замечала. Она подплывала все ближе. Мне даже сделалось немного жутко: как бы она случайно не опрокинула нашу лодку.

Белуха уже совсем рядом. В каких-нибудь десяти шагах впереди нас из воды показалась огромная безухая голова морского зверя. Вдруг зверь заметил нас. Сильный всплеск — лодку подкинуло волной. И на поверхности ничего нет, только в глубину со страшной быстротой уходило что-то белое, потом зеленоватое, наконец исчезло совсем.

— Вот, Георгий Алексеевич, на прощанье и белуху повидали, да еще как близко!

— Да-а, ну и чудовище!

Некоторое время мы смотрели на то место, где исчезла белуха.

— Вон, вон она! — вдруг воскликнул Коля, указывая на море.

Вдали, метров за двести от нас, на поверхности опять показалась белая гладкая спина. Белуха уходила по направлению к заповеднику.

— Передай привет нашим гагачатам! — крикнул ей вдогонку Коля.

Мы опять взяли за весла.

Острова заповедника скрылись за поворотом. Навстречу из-за высокого берега показались домики Кандалакши.

ТРИ ПИСЬМА

Я снова в Москве. И здесь война наложила на все свой суровый отпечаток. Хмурые, сосредоточенные лица прохожих. На домах дощечки с надписями: «бомбоубежище». По вечерам темнота, черные шторы на окнах. Тревожные лучи далеких прожекторов. Из кандалакшских друзей иногда встречаю Наташу. Она вступила в дружину МПВО¹ и живет уже не дома, а в университете. Наташа стала неузнаваема: угрюмая, всегда чем-то озабочена.

Только однажды я увидел ее опять такой же, как бывало в Кандалакше, счастливой, сияющей. Оказывается, Наташа только что получила письмо от Коли. Он здоров, служит в Кандалакше в частях МПВО. Недавно его отпустили на два дня, и он тут же съездил в заповедник проверить, как чувствуют себя гагачьи выводки.

«Хорошо в заповеднике, — писал Коля, — совсем уже по-осеннему: деревья пожелтели, а море синее-синее. У островов много гагачьих выводков. Молодые уже подросли в полматки. Я плыл

¹ МПВО — местная противовоздушная оборона.

мимо островов, где в последний раз мы выпустили гагачат. Вижу, целый табунчик плавает. Уж не наши ли? Кричу им, как бывало: «кру-кру!» И вдруг штук пять отделяются и плывут прямо ко мне. Проплыли метров десять, остановились и не знают, куда дальше. Потом поплыли обратно к своим. А все-таки не забыли еще нас гагачата...»

Мы с Наташей несколько раз перечитали эти строки. От них будто пахнуло свежестью моря. Так живо вспомнились Кандалакша, заповедник и сам Коля. Он все такой же. Подумать только, свой двухдневный отпуск истратить на гагачат!

А через неделю от Коли пришло второе письмо, уже с Карельского фронта. Коля писал, что ночью идет в первый бой. Настроение бодрое. В письмо было вложено несколько осенних цветов — привет с далекого Севера.

Так исполнилось заветное желание Коли — самому защищать свой любимый Северный край. Это письмо от Коли было последним.

Вскоре Наташа получила еще письмо, написанное чужим, незнакомым почерком. В нем товарищ Коли сообщал тяжелую весть: 9 августа в первом бою Николай погиб смертью героя.

...Коля был убит ранним утром, на лесной поляне. Его похоронили там же, в лесу, под старыми соснами, на далеком карельском Севере, который он так любил.

Прошли суровые годы войны. Мы с радостью узнали, что Кандалакшский заповедник цел. С огромными трудностями Алексею Михайловичу удалось его сохранить.

Заповедник продолжает существовать, и это самая лучшая память о его верных друзьях — об Иване Галактионовиче и о Коле.

Там, у скалистых островов, попрежнему шумят приливы и отливы и над краем встает тихий северный день. Попрежнему каждую весну на острова прилетают хлопотливые гаги и устраивают свои замечательные пуховые гнезда. Каждую весну крики птиц оглашают теплый, пронизанный солнцем воздух, и в этих криках слышится радость и всепобеждающее торжество жизни.

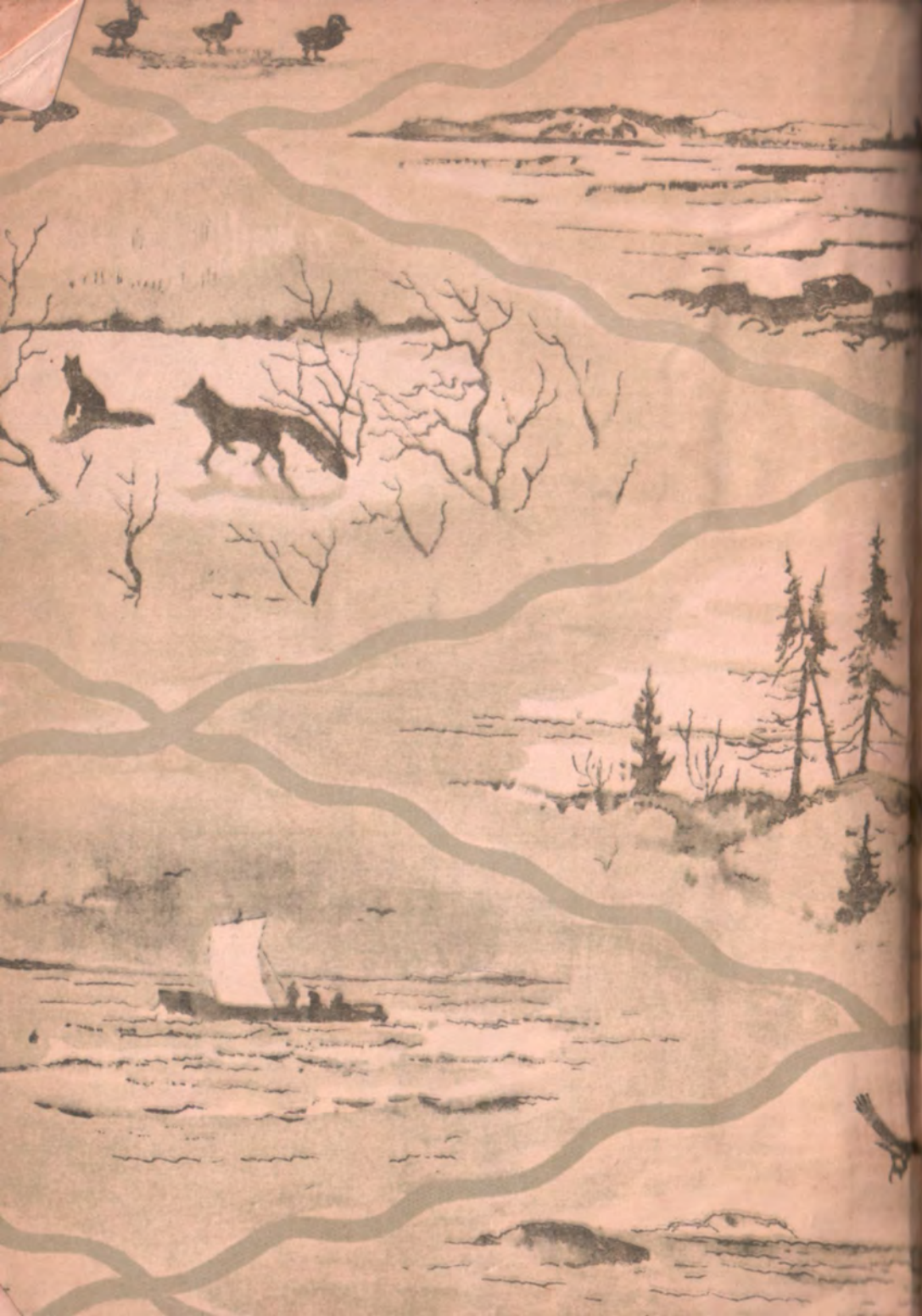
ОГЛАВЛЕНИЕ

На Север	3
Кандалакша	6
На острова	11
Заповедник	14
За гагачьими яйцами	17
Пленница	26
Раннее утро	30
Наша работа	33
Бычки	38
Инстинкт материнства	43
Таинственный грабитель	46
Планы на будущее	52
Зоология и ботаника	55
Водяное крещение	60
Первые гагачата	64
Наши питомцы	66
«Дикари»	71
За гагунами	75
Тревожное время	84
Одни	88
Три письма	93

Для среднего и старшего возраста

Ответственный редактор *В. Касименко*. Технический редактор *Г. Левина*.
 Подписано к печати 15/VIII 1945 г. 6 печ. л. (5,4 уч.-изд. л.) 42 280 зн.
 в печ. л. Тираж 30 000 экз. А20634. Заказ № 343. Цена 6 руб.

Фабрика детской книги Детгиза Наркомпроса РСФСР.
 Москва, Сушевский вал. 49.

БАРЕНЦОВО МОРЕ

Цена 6 руб.

• КАНДАЛАКША

КАНДАЛАКШСКАЯ ГУБА

БЕЛОЕ МОРЕ

• АРХАНГЕЛЬСК

• КЕМЬ

• ОНЕГА

